

СОКРОВИЩА МИРОВОГО ИСКУССТВА

*Народная
Демократическая
Республика
Йемен*

Человек из Дерахилия

Редкий образец до-
сульманского арабского
искусства, статуэтка из
алебастра (высота 46 см)
изображает мужчину с
усами и бородой во
время молитвы. Его
имя — «Аммала из Де-
рахилия» — написано на
подножии статуэтки, из-
готовленной во II веке
до н. э. химьяритским
мастером из южной
Аравии.

Фото © Ассоциация
национальных музеев,
Париж

ЯНВАРЬ 1978

31-й ГОД ИЗДАНИЯ

ПУБЛИКУЕТСЯ НА 16 ЯЗЫКАХ

Русском	Хинди
Английском	Тамили
Французском	Иврите
Испанском	Персидском
Немецком	Голландском
Арабском	Португальском
Японском	Турецком
Итальянском	Урду

Публикуется ежемесячно ЮНЕСКО — Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

★

Ежемесячный иллюстрированный журнал «Курьер ЮНЕСКО» выходит 11 выпусками в год (сентябрь-октябрь — двоянный номер). Издание журнала на русском языке с 1957 года осуществляется издательством «Прогресс» (Москва) по поручению Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО.

При перепечатке материалов обязательна ссылка на «Курьер ЮНЕСКО». При перепечатке подписанных статей необходимо указывать имя автора. Подписанные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО и редакции журнала.

★

Адрес главной редакции

ЮНЕСКО, ФРАНЦИЯ, Париж, 75700,
Плас Фонтенуа

Главный редактор

Рене Калоз

Заместитель главного редактора

Ольга Родель

Помощники главного редактора

русский яз.: Виктор Голячков (Париж)

английский яз.:

французский яз.:

испанский яз.: Ф. Фернандес-Сантос (Париж)

немецкий яз.: Вернер Меркли (Берн)

арабский яз.: Абдель Монеим Эль-Сави (Каир)

японский яз.: Кадзуо Акао (Токио)

итальянский яз.: Мария Ремидди (Рим)

язык хинди: Х. Л. Шарма (Дели)

язык тамили: М. Мохаммед Мустафа (Мадрас)

язык иврит: Александр Бройдо (Тель-Авив)

персидский яз.: Феридун Ардалан (Тегеран)

голландский яз.: Поль Моррен (Антверпен)

португальский яз.: Бенедикто Силва

(Рио-де-Жанейро)

турецкий яз.: Мефра Аркин (Стамбул)

язык урду: Хаким Мохаммед Саид (Карачи)

Литературные редакторы

английский яз.: Рой Мэлкин

французский яз.: Филипп Онэс

испанский яз.: Хорхе Энрике Адоум

Документация: Кристин Буше

Иллюстрации: Ариен Бейли

Оформление: Робер Жакмен

4 ГОРОДА, КОТОРЫЕ ПРОЦВЕТАЛИ В ПУСТЫНЕ
Мохаммед Аллал Сенасёр

11 СОХРАНИТЬ МЕДИНУ ФЕСА

12 СОДРУЖЕСТВО МАСТЕРОВ
Система гильдий в мусульманском городе
Юсуф Ибиш

19 БЕСКОНЕЧНОЕ СТРЕМЛЕНИЕ К ПОЗНАНИЮ МИРА
Мохаммед Арнун

23 АРАБСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ МУЗЫКА
Бернард Моуссали

25 ЦВЕТНЫЕ ВКЛАДКИ

33 ЧИТАТЬ, ПИСАТЬ, СЧИТАТЬ
Начальное образование в мусульманском мире
Хишам Нашаби

35 МЕДРЕСЕ
Первые университеты Арабского Востока
Бадр-Эддин Ародани

37 «ДНИ»
Отрывок из книги выдающегося египетского писателя
Таха Хусейн

38 АРАБСКАЯ ВЯЗЬ НА СТЕНАХ ЗДАНИЙ
Единство каллиграфии и архитектуры
Мустафа аль-Хабиб

45 УЗОРЫ ИЗ КИРПИЧА И КАМНЯ
Фотоочерк

46 ДОСТИЖЕНИЯ АРАБСКОЙ НАУКИ
Салах Галал

53 ПИСЬМА РЕДАКТОРУ

54 ХРОНИКА ЮНЕСКО

2 СОКРОВИЩА МИРОВОГО ИСКУССТВА
Человек из Дерахилия (Народная
Демократическая Республика Йемен)

ОБЛОЖКА

Керамическая плита (XVIII век), на которой изображен план Мекки — города, куда устремлялись мусульманские паломники и к которому обращались лицом мусульмане во время своих молитв. В центре Мекки находится Ка'ба [буквально: «куба»], древнее святилище, почитаемое мусульманами всего мира. Это небольшое каменное строение задрапировано черной парчой, которую ежегодно меняют. В один из углов строения вставлен «Черный камень», по преданию он восходит еще ко временам Авраама. Отсюда и начинается ритуальное шествие вокруг Ка'бы.

Фото © Музей арабского искусства, Каир

В истории великих цивилизаций классический век арабско-мусульманской культуры занимает одно из важнейших мест. В период между IX и XIII веками эта высокоразвитая, самобытная цивилизация процветала на бескрайних просторах от Багдада на реке Тигр до Иберийского полуострова, включающих Ближний и Средний Восток и Северную Африку. Ее влияние ощущалось во многих частях света; она явилась важным связующим звеном между античностью и средневековьем Запада.

Города, которые процветали в пустыне

Мохаммед
А. Сенасёр

Никакое краткое высказывание, каким бы блестящим оно ни было, не может полностью передать все сложности культуры, и тому, кто берется за описание достижений какой-либо цивилизации, следует остерегаться упрощенчества. Это предостережение особенно уместно в случае арабской цивилизации, чьи истоки заложены в учениях международного значения, чей народ вел войны против крупнейших держав как Востока, так и Запада.

Освященные временем суждения типа: «Арабская цивилизация — это прежде всего отражение наследия ее предков-кочевников» — одновременно и правильны, и неправильны. К таким суждениям следует относиться как к мостику, перекинутому от реальности фактов к реальности впечатлений, созданных этими фактами.

Хотя мусульманство и зародилось в пустыне, его развитие сопровождалось удивительными масштабами урбанизации. Основатели мусульманской империи были также крупнейшими градостроителями: во время их правления были основаны такие города, как Куфа, Басра, Багдад (самый большой город в мире в IX веке н. э.), Шираз, Дамаск, Алеппо, Каир, Кайруан, Тунис, Мехдия, Алжир, Тлем-

сен, Кордова, Сарагоса, Сиджильмаса и Тимбукту.

Несомненный парадокс заключается в том, что народ, рожденный и выросший в пустыне, смог построить или возродить столь много городов. Откуда пришло это вдохновение? Не отражало ли это необходимость оседлости, необходимость «изваять в камне» колыбель для зарождающейся религии? Или требовалось придать политическому организму — государству стабильность?

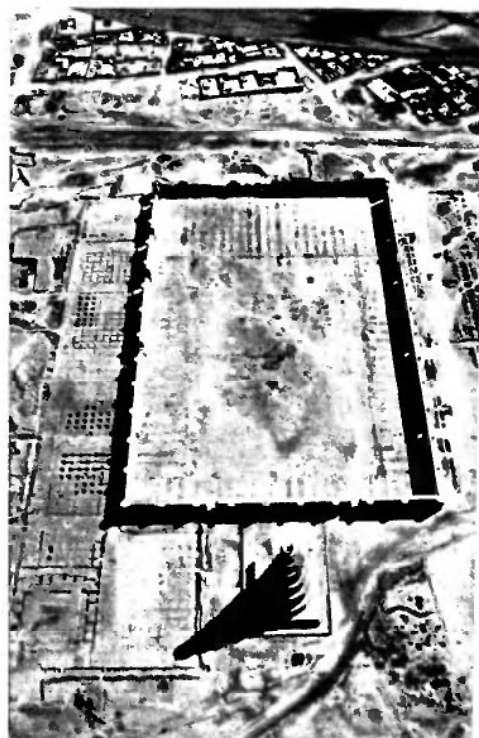
Несомненно, так оно и было. Но существовал еще и другой фактор: решающее значение торговли (Мекка обязана ей своим существованием) и ее распространение в масштабах всего мира, известного в то время арабам. Значительная экономическая и социальная революция, каковой было мусульманство, объясняет, каким образом цивилизация, зародившаяся в пустыне, сумела в то же самое время стать отчасти «городской» цивилизацией. Значение этого факта нередко игнорировали историки мировых урбанистических движений.

Аравия была главной артерией, перекрестком торговых путей, связывавших крупнейшие цивилизации Востока и Запада. В центре ее, на полпути между Йеменом и Сирией, лежала Мекка, которая была заинтересована в том, чтобы сохранить в неприкосновенности торговые пути, по которым к ней текли ее богатства. Для поддержания мира она заключила ряд союзов между кочевниками пустыни и отдельными племенами и родами, проживающими в городах.

Арабы способствовали установлению связей между более ранними цивилизациями, расположенными вдоль этой главной артерии, а нередко и вытесняли их, возрождая из руин

многие древние поселения и создавая новые города, дабы те способствовали осуществлению контроля над торговыми путями, протянувшимися от Китая до Испании, либо служили как промежуточные пункты на этих путях.

Победоносные войны предоставили в распоряжение арабских градостроителей огромные территории. Урбанизация стремительно развивалась, начиная от Месопотамии, где она уже

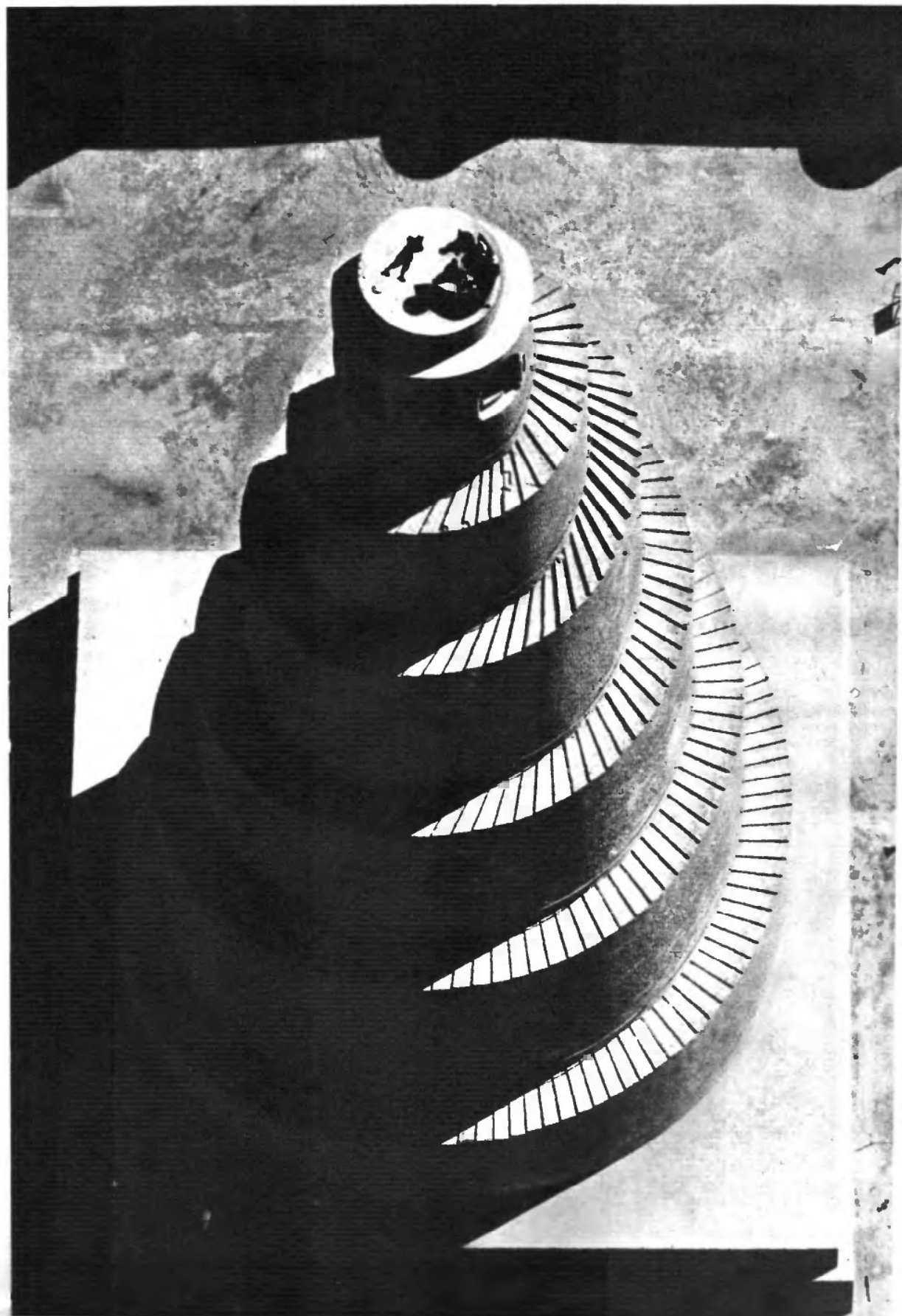

МОХАММЕД АЛЛАЛ СЕНАСЁР —
руководитель Отдела философии
ЮНЕСКО, ранее возглавлял один из
отделов Французского национального
центра научных исследований. Про-
фессор социологии университета в
Касабланке (Марокко), автор ряда
статей, в основном по проблемам фи-
лософии и истории математики.

В этом номере «Курьера ЮНЕСКО» арабские писатели и историки анализируют некоторые аспекты развития выдающейся мусульманской культуры. В настоящее время ЮНЕСКО развертывает широкую программу изучения арабской культуры, направленную на то, чтобы показать «самобытность, внутренние связи, единство и универсальность» арабской культуры, а также вклад арабо-мусульманской цивилизации в развитие других культур и их взаимосвязь. В 1979 году ЮНЕСКО созывает представительную конференцию по проблемам культурной политики в арабских странах.

Фото Г. Герстера © Рафо, Париж

Город — одно из самых выдающихся достижений арабской цивилизации, нередко свидетельствующее о торжестве разума над суровой природой. В центре города — мечеть. Слева: район знаменитой мечети в Самарре (Ирак), столице халифов аббасидской династии с 838 года по 889 год н. э. Мечеть занимала площадь в 38 000 м² и была одной из крупнейших в мусульманском мире. Над внешней стеной с шестнадцатью входами и по сей день возвышается 50-метровой высоты спиралеобразный минарет аль-Мальвийя (справа), некогда соединившийся с мечетью мостом.

существовала, и кончая Сирией и Египтом, где она приходила в упадок, и Африкой, где она давно уже отмерла.

Древние поселения зажили новой жизнью, и их размеры, население и социально-экономическая значимость соответственно возросли. Так, в X веке в Багдаде насчитывалось более миллиона жителей, в Дамаске и Кордове 300—400 тысяч, а в Каире — полмиллиона.

Эти цифры еще более впечатляют, если вспомнить, что процветающие города средневековой Европы насчитывали в среднем немногим более 30—40 тысяч жителей и что население Парижа, к примеру, достигло трехсот тысяч лишь в XIV веке.

Столь бурный рост городов определил их господствующее положение над прилегающей сельской местностью, ставшей поставщиком продуктов питания и рабочей силы. Было бы, однако, ошибочно предполагать, что город жил исключительно за счет земли, т. к. земля эта, как правило, была слишком бедна, чтобы обеспечить город всеми товарами, необходимыми столь развитому обществу. Напротив, изолированные и отсталые сельские общины скорее угрожали, нежели помогали, городам, которым приходилось заботиться о безопасности караванных путей. Это привело их к необходимости заключения союзов с кочевыми племенами, в результате чего крестьяне не могли принимать участие в основных торговых операциях и оказались отрезанными от развивающегося мусульманского мира.

Арабский историк Ибн Хальдун, живший в XIV столетии, отмечал непокорность укрывавшихся в горах

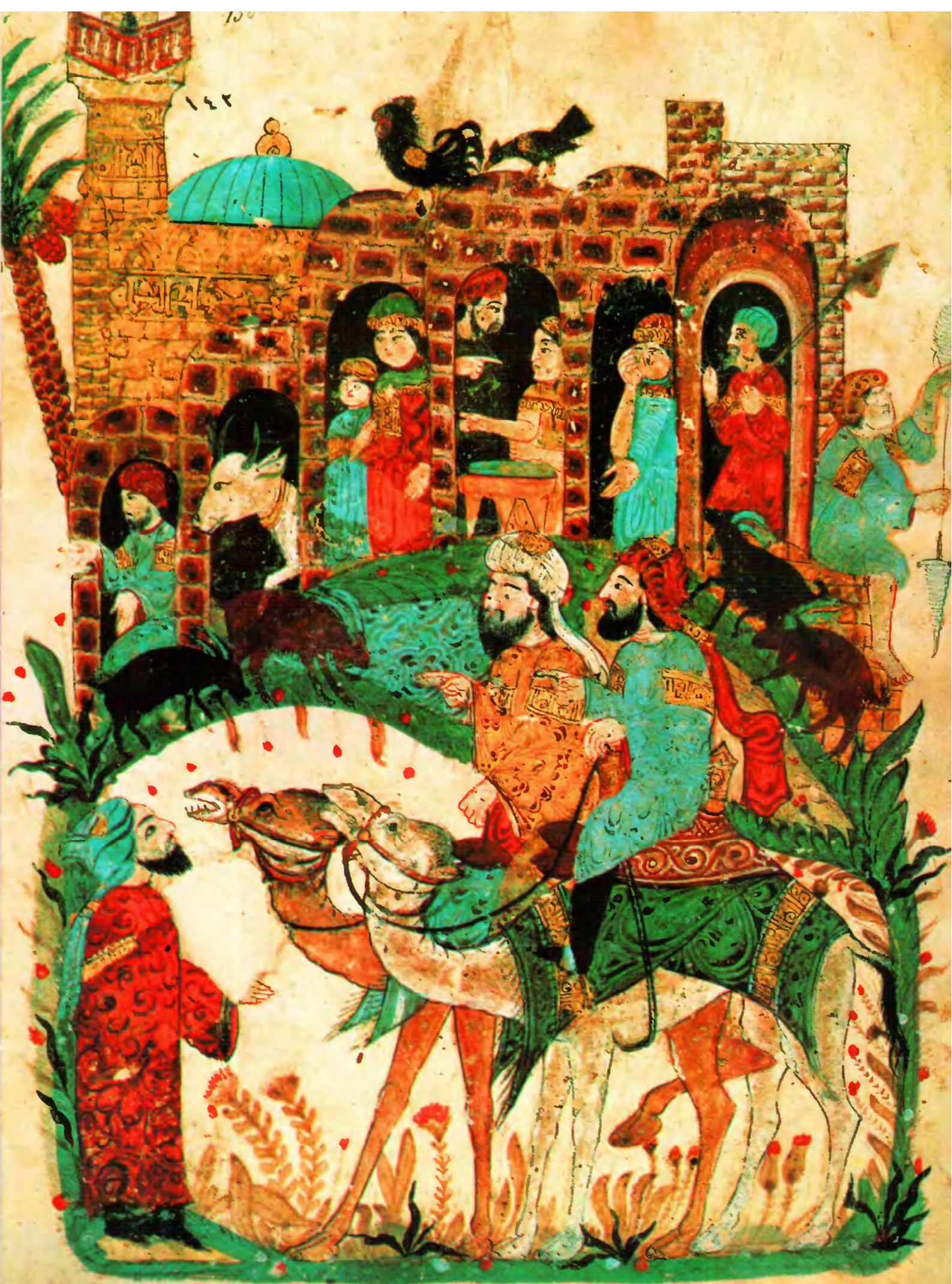
Городской пейзаж в пустыне

Появившиеся в бесплодной пустыне поселения теснились вокруг колодцев и водоемов. Слева: три аэрофотоснимка, сделанные на разной высоте и под разным углом. На них видны одноэтажные дома и лабиринт улиц в Сук-эль-Уде (Алжир). При каждом доме есть двор, отделенный от соседнего двора и в то же самое время примыкающий к нему глухой стеной.

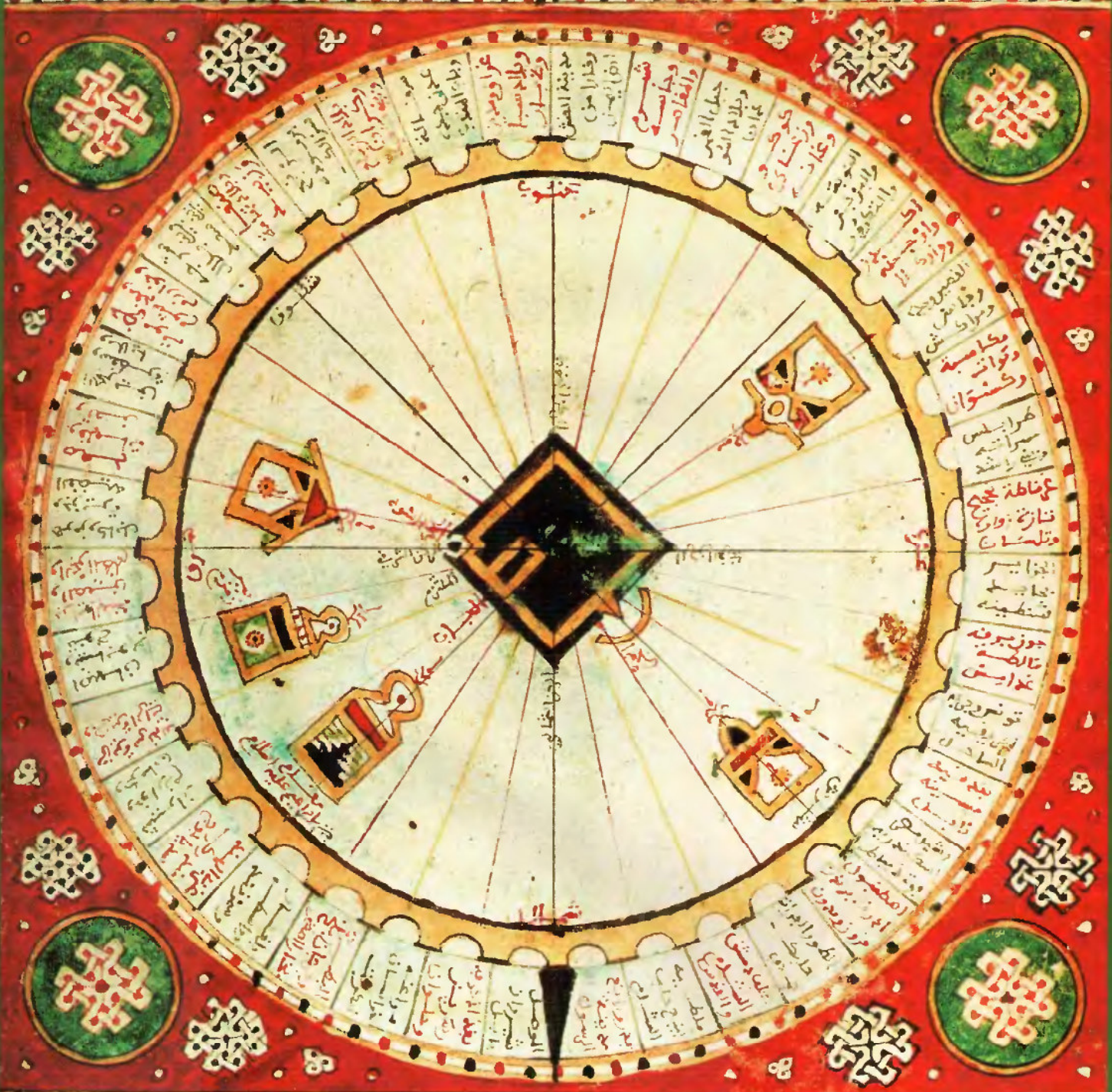
Одна из самых пленительных литературных зарисовок повседневной жизни в арабских странах периода средневековья — «Макамы» [или «Собрания»], сборник новелл, принадлежащий аль-Харири (1054—1122 гг.). Изображенная на с. 7 сцена — рисунок для иллюстрированной рукописи сказок, подготовленной в Багдаде (Ирак) в 1237 году. На рисунке — неподалеку от деревни два путешественника разговаривают с прохожим. Вдали мечеть с минаретом и торговые ряды с купцами и покупателями.

Фото Г. Герстера © Рафо, Париж

Фото © Национальная библиотека, Париж

هَذَا الصَّفْحَةُ فَلْيَا صِرْفَةَ الْكَيْفِ وَاللَّيْلِ وَالنَّهَارِ

قَالَ اللَّهُ تَعَالَى وَحَدَّثَكُمْ كُنْتُمْ قَوْلُوا وَحَدَّثَكُمْ

сельских жителей и их скудные подати, шедшие на процветание великих мусульманских городов.

Эта зависимость от торговли объясняет значение торговцев не только на великих аравийских путях, но также и в далеких странах Африки. Именно они снаряжали караваны, прокладывая свой путь через необитаемые песчаные и каменистые земли к Тиндуфу, Триполи и Бенгази на севере и к Тимбукту, Кано и Абеку на юге.

Все эти города имеют общее происхождение: они возникали как место встречи предприимчивых погонщиков верблюдов из Сахары и горстки не менее предприимчивых торговцев городов Средиземноморского побережья. Возникновение городов представляло собой сложный процесс, порой захватывающий прежние поселения кочевых племен, расположенные вдоль границы с пустыней.

Процветание этих торговых центров, богатство и престиж знаменитых торговцев-авантюристов находили свое отражение в архитектуре — во дворцах, мечетях, медресе (см. статью на с. 35).

Планировка города отражала его социально-экономическую роль. В центре находился *сух*, торговый ремесленный район, посреди которого стояла главная мечеть — символ дисциплины, который был превыше мелочных забот о повседневных делах. Это единение священного и мирского, благочестия и выгоды, которое можно увидеть и по сей день в торговых районах таких городов, как Фес и Тунис, невольно заставляет вспомнить слова, приписываемые халифу Омару: «Везде и повсюду базары и мечети являют собой поистине полную гармонию».

Неподалеку от *суков* находились *фундуки* — торговые склады и дома купечества, а также *кайсарийи*, где под семью замками хранились дорогие товары. В том же районе располагались менялы и иногда помещался монетный двор.

Здесь находилось сердце города. А вокруг него лежал целый лабиринт улочек и переулков, вдоль которых располагались открытые мастерские, где трудились группы ремесленников — ткачей, резчиков, красильщиков, медников, занятых, как правило, тысяча и одним ремеслом.

Постороннему человеку, завороненному тайной тупичков, затемненных вьющимися на специальных решетчатых перекрытиях растениями, улицами, скрывающими жизнь своих обитателей за высокими стенами домов без окон, шумными главными артериями города и гомоном рынка, — такому наблюдателю весь этот мир, в котором купцы и посредники сновали в одной толпе с поденщиками и носильщиками, мог показаться беспорядочным хаосом.

Однако в этом мире более чем где-либо еще существовала своя система, при которой особое лицо — *муттасиб*, представляющий городскую власть, нес ответственность за законность совершавшихся сделок, за поддержание мусульманского порядка, наивысшим принципом которого считалось: творить добро и предотвращать зло.

Конкретные функции, возложенные на *муттасиба*, были в каждом городе свои. В Фесе, например, он был официально назначен центральной властью надзирать за совершавшимися сделками, проверять вес и размеры

продаваемого товара, устанавливать цены, осуществлять надзор за работой печей, рынков, мануфактур и общественных бань.

В османском Каире эта задача была возложена на старшего офицера *оджака* (янычары при правительстве паши) и на группу его помощников, в составе которой находились казначей, секретарь, счетовод, а также карательный отряд.

Предписания этого офицера распространялись на большинство каирских рынков, и в первую очередь они касались деятельности, связанной с изготовлением пищевых продуктов и потребительских товаров. На него был также возложен сбор пошлин, установленных на ввозимые продукты питания. Во время инспекционных обходов впереди шел счетовод, несший весы со стандартными мерами веса, а сзади — шагал карательный отряд, готовый привести в исполнение скорый приговор, и наказание порой было суровым.

Но неустанная забота о тщательном надзоре была менее привлекательной, нежели пышные церемонии, и «надсмотрщика над мерами и весами» чаще видели на официальных церемониях гильдий, чем в торговых рядах на рынке.

Так же как и обязанности *муттасиба*, функции гильдий в разные времена и в разных местах были неодинаковы, но все гильдии так или иначе были связаны с *футувей* — сложным институтом, характерным для мусульманского города.

Футува (название произошло от слова «фата», означающего «молодой человек», а в более широком смысле — «смелый и великодушный человек») являлась профессиональным объединением ремесленников; чтобы стать членом этого объединения, необходимо было пройти обряд посвящения. Согласно свидетельству знаменитого путешественника XIV века Ибн Баттуты, знакомого с такими группами мусульманского мира, создание этих братств молодых людей, поклявшихся быть верными товарищами, преданными друг другу, возможно, восходит к давним временам, предшествующим правлению аббасидской династии (которое исчисляется с середины VIII века).

Эти группы укрепляли структуру системы гильдий, предполагавшей дисциплину и сплоченность городской общины в таких городах, как Фес, где термин «*футува*», очевидно, был неизвестен. Через гильдии ремесленники были знакомы друг с другом, все были связаны единой системой информации и подчинялись одним и тем же написаным законам, нарушителей которых ждало осуждение со стороны их товарищей.

В некоторых мусульманских странах, в частности в Египте, о *футуве* были написаны подробные трактаты, рассказывающие о таких обрядах, как церемония посвящения, во время которой нового члена гильдии опоясывали кушаком, завязанным узлами, вокруг талии (см. также статью на с. 12).

Эти работы приписывали *футуве*, а также различным ремеслам и занятиям их членов мистическое или религиозное происхождение. Так, церемония опоясывания, по преданию, восходит к одеянию Али, «повелителя правверных», двоюродного брата и зятя Мухаммеда; его, согласно легенде, опоясал кушаком сам пророк, который в свою очередь точно так же

«Роза ветров» ислама

Фронтиспис атласа, составленного в XVI веке Мухаммедом аш-Шарфи из Сфакса (Тунис). По кругу написаны названия мусульманских стран. Они соединяются линиями с Ка'бой (в центре) — святилище в Мекке, в котором хранится Черный камень — предмет поклонения, восходящий к доисламским временам. Угол, где замурован камень, известен под названием «Черного угла», другие углы называются Йемен (юг), Ирак (север) и Сирия (запад) по имени земель, к которым они условно обращены. Обратите внимание, что север изображен внизу «карты» согласно традиции, которой нередко следовали арабские картографы.

Фото © Национальная библиотека, Париж

принял посвящение от архангела Гавриила.

В целом церемония посвящения, церемония передачи мастерства и власти невольно наводит на мысль о религиозных братствах — мистических эквивалентах гильдий.

Религиозный орден дервишей в основном набирал своих членов из среды ремесленников и купцов, которые в то же самое время в большинстве своем были членами гильдий. Между этими двумя типами объединений существовали сложные отношения, отражавшие глубокое взаимопроникновение духовной и профессиональной жизни. Более того, эти два типа сложились более или менее окончательно в одно и то же историческое время. Таким образом, моральный кодекс был непосредственно связан с религией.

Начиная с XVI столетия гильдии и религиозные братства, казалось, разделяют одинаковую приверженность к традициям и одинаковый принцип подчинения властям. Так, любое ученичество, касалось ли это физического или умственного труда, рассматривалось как процесс посвящения, связанный с передачей знания от учителя к ученику.

Это отразилось на культуре. Мир корпораций ремесленников и умельцев, мир религиозных братств и мир ученых мыслителей постоянно соприкасались друг с другом. «Мудрый человек», являвшийся одновременно и правоверным мусульманином и гарантом соблюдения законов своей религии, стал доминирующей фигурой в интеллектуальной и духовной жизни городской общины.

В интеллектуальной жизни преобладали традиционные науки мусульман, унаследованные от древних греков и получившие дальнейшее развитие. Новый мусульманский город, фундамент которого был порой заложен на земле нескольких древних цивилизаций, создавал благоприятные условия для развития медицины, астрономии и математики — наук, применение которых могло удовлетворить новые запросы.

Интеллектуальная деятельность этой цивилизации была активной, порой сопровождалась полемикой, нередко — исследованиями и неизменно стремлением к поиску, присущим всем видам человеческого общества, и являлась стержневым корнем городской культуры, космополитичной в своем многообразии.

Среди многих спорных моментов, иллюстрирующих эту бурную интеллектуальную жизнь, есть один, касающийся взаимосвязи между арабской грамматикой и греческой логикой. Как свидетельствует Абу-Хайян ат-Таухиди, в споре по этому предмету известный филолог ас-Сирафи победил логика Матта, заставив его признать, что лингвистическая точность превышает логику, поскольку отсутствие точности ведет к неясности и абсурду и, следовательно, полностью нелогично.

За этим вдохновенным стремлением защитить арабскую культуру можно обнаружить гордость людей, эмпиризм и широта мысли которых привели к тому, что они предпочитали разгадывать ниспосланную аллахом реальность, нежели придерживаться стерильного дедуктивного мышления.

Но если такое мировоззрение, которое отстаивали, прививали и насаждали, было в основном прагматиче-

ским, то городская культура, пронизанная свободой и гуманизмом, ни в коей мере не порывала своих связей с религиозными истоками. Не обходила она вниманием и разнообразные влиятельные направления в доисламской арабской культуре, значимость которой все более признавалась — сначала как компонента особой культурной самобытности, а затем — как доказательство того, что общество, не потерявшее своей жизнеспособности, способно решительно противостоять упадку.

Но наступил момент, когда поток новаций был сдержан противопотоком, который направил городскую культуру в тихую заводь традиционализма. В результате философская мысль, творчество, обучение и вера становились все более и более связанными в своем развитии. В обстановке жестких рамок, расслоения, самоуглубленности религиозные братства, гильдии, а также принцип власти, пронизывающий образование, стали опорой религиозной, экономической и интеллектуальной жизни общества.

Но, несмотря на подобные спады, арабская культура продолжала развиваться, и город оказывал на это развитие глубокое воздействие. Университет, практикующий «коммерцию» науки, являл собой своего рода гильдию самого высокого класса. Он играл важную роль в жизни города и как школа подготовки городских властей, и как источник морального вдохновения, а его деятельность, подобно деловым операциям и торговле, в свою очередь породила культуру, которая способствовала общению людей.

И если, как мы уже видели, сельским миром пренебрегали в союзе между городами и племенами кочевников, не может быть сомнения в том, что преуспевание городов, расцвет культуры и торговли шли неизменно рядом друг с другом.

Итак, города были не просто точками на экономической карте. Они были также центрами культурной и религиозной жизни и пристанищами пилигримов.

Именно движение — приход и уход людей и товаров — в мусульманском мире объединяло все аспекты жизни арабов. Поездка в торговый центр была одновременно и поездкой в центр образования и культуры. Мир, влекущий купца, был магнитом и для ученого.

Это объясняет, почему культура, не затронув крестьянства, продвигалась от одного мусульманского города к другому, соединяя почти всех их в единое целое. Существовало гораздо большее взаимопонимание и общение между Кордовой, Фесом, Багдадом и Самаркандом, нежели между этими городами и прилегающими сельскими районами.

Мусульманская культура, таким образом, служила не только основным средством общения, но также и способствовала созданию и сохранению прочного единения в городской жизни. Знаменательно, что на всей территории мусульманского мира не было сколь-либо развитой сети постоялых дворов или гостиниц. Принимали путников и устраивали их на ночлег *фундук* или мечеть.

Урбанизация мусульманского мира ширилась и крепла, неся богатство и культуру городов к порогу цивилизации Запада, где эпоха Возрождения использовала этот поток знаний.

Это явление было поистине выдающимся в истории мировых культур и цивилизаций. В истории существовало не так уж много сложных, обширных и богатых по своим возможностям движений, способствовавших развитию единения в общемировом масштабе. От Багдада на востоке до Кордовы на западе, с запада — к Византии и от христианской Византии — к мусульманскому Востоку открывались новые земли для торговли и прокладывались новые пути для передачи религиозных, интеллектуальных, экономических и политических идей.

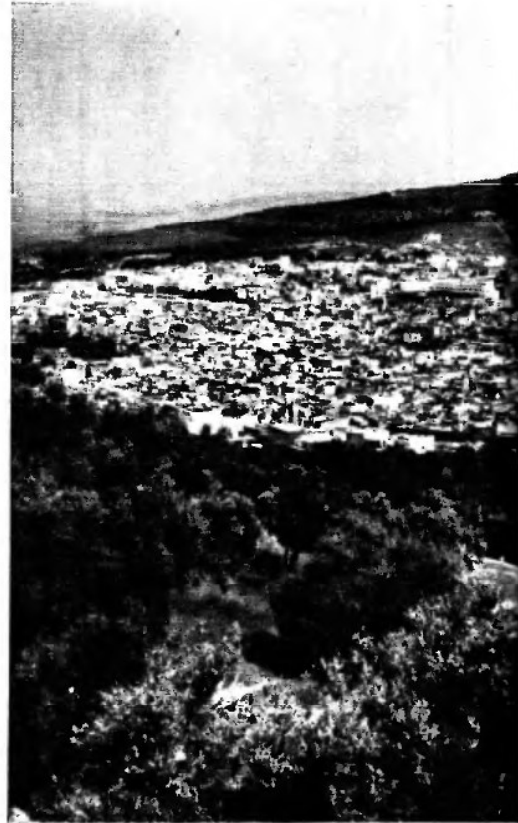

Фото Д. Роже — ЮНЕСКО

Под влиянием градостроителей мусульманского мира пульс истории постепенно стал воспринимать иной ритм — тот, который ощущается и в наши дни. И какой же путник мог отрицать правоту этих слов: «Вы не найдете новых стран; вам не откроются новые берега. Город будет повсюду с вами». Вездесущий город!

Город у мусульман был городом-садом. Ревностно хранимые от глаз любопытного прохожего, за высокими стенами лежали чарующие водоемы и росли декоративные деревья и кустарники. Сады несли жизнь «уголку пустыни», создавали фон для неземных грез, призывали к «беспечной, но искрящейся мыслью» фантазии.

Подобная тишина и неподвижность были, возможно, роскошью — и даже больше, чем роскошью, они стали в сегодняшнем стремительном, индустриальном веке. Но разве сегодня мы не стремимся сохранить и восстановить хоть что-то из этого спокойного мира беспредельных горизонтов, где все живое и неживое воздаст хвалу человеческой дружбе в вечно нестареющем мире? ■

Сохранить Медину Феса

Одно из самых почитаемых древними мусульманами мест (некогда столица Марокко): запутанные улочки старого района города Феса, Медины, и по сей день во многом сохранили черты средневековья. Старый город, в котором в основном трудятся торговцы и ремесленники — кожевники, шорники, гончары, дубильщики, черепичные мастера, эмалировщики, резчики по дереву и прядильщики, — разрушается. Сохранение этого уникального места, богатого историческими памятниками, сопряжено с немалыми трудностями. Правительство Марокко в сотрудничестве с ЮНЕСКО работает над генеральным планом сохранения исторического облика Медины, города, который при этом также соответствовал бы требованиям сегодняшнего дня.

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА СТР. 12

Фото Ленгаль — ЮНЕСКО

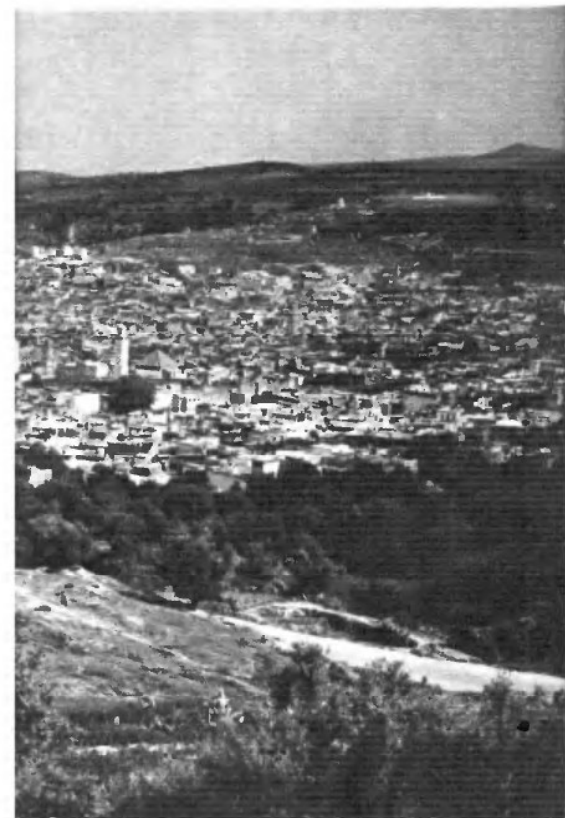
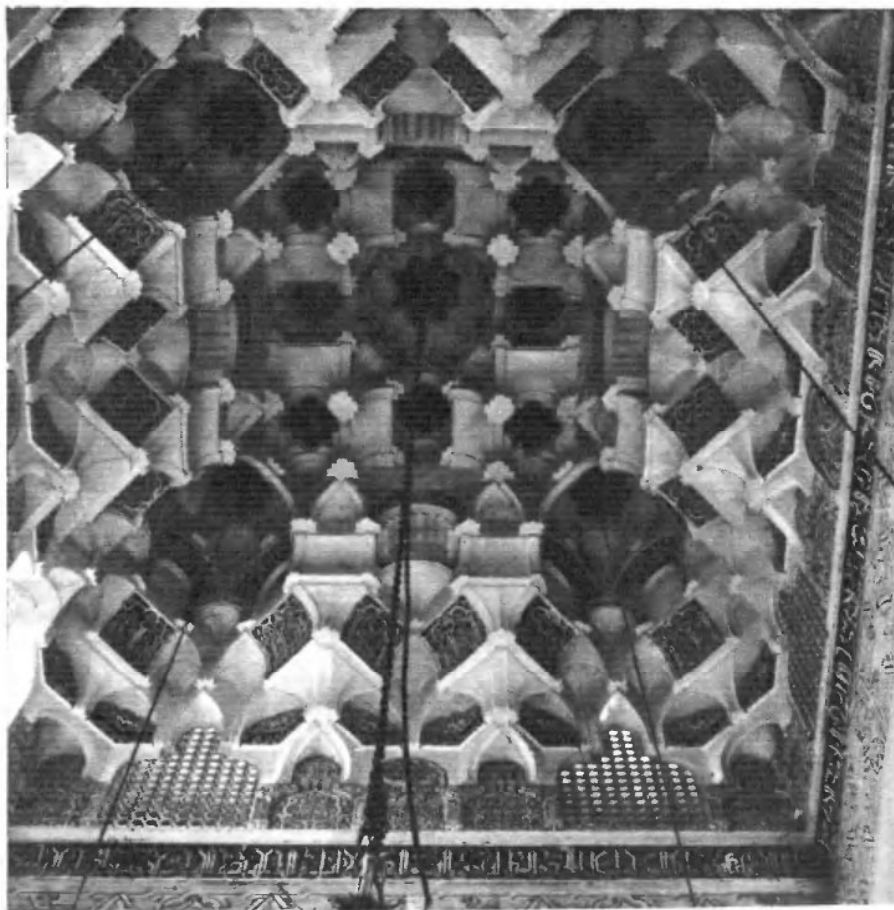
1. Монументальные ворота составляли часть крепостного вала, окружавшего Фес в средние века. Их красота подтверждает репутацию города как прославленного центра культуры и искусства.

2. Оливковые рощи окружают теснящиеся друг к другу крыши домов и стройные минареты Феса. На переднем плане — старый город.

3. Торговые ряды вдоль узких, мощенных булыжником улиц Медины. На этой «главной артерии» под бамбуковыми навесами продается буквально все: от пекарственных растений до драгоценностей.

4. Мукарна, или «пчелиные соты», — в такой форме выполнен потолок мечети аль-Каравия, крупнейшей в Северной Африке, вмещающей до 22 000 человек.

Фото © Ж. Мазено, Париж

2

1

4

3

СОХРАНИТЬ МЕДИНУ *(Продолжение)*

Фес известен в арабском мире как Фас, или кирка. Согласно преданию, город назван так потому, что его основатель Моулай Идрис зарыл кирку в том месте, где в 790 году н. э. выросло новое поселение, как символ того, что в данном центре жили ремесленники. Они создавали профессиональные объединения, или гильдии, которые следили за подготовкой учеников и тщательно контролировали цены и качество изготавливаемых товаров. Справа: кожевенная мастерская; ремесленники красят кожу в больших круглых чанах. Кожевенные и другие мастерские, загрязняющие воздух, обычно располагались на окраине мусульманских городов. Вдали справа: ремесленник гордо выставил на обозрение плетеные корзинки; плетение корзин — еще одно традиционное ремесло жителей Феса. В средние века необработанные материалы и готовые изделия хранились в богато разукрашенных складских помещениях, называемых фундук [внизу].

Фото Р. Мишо © Рафо, Париж

Фото Л.-И. Луара © Рафо, Париж

СОДРУЖЕСТВО МАСТЕРОВ

Система гильдий
в мусульманском
городе

Юсуф Ибши

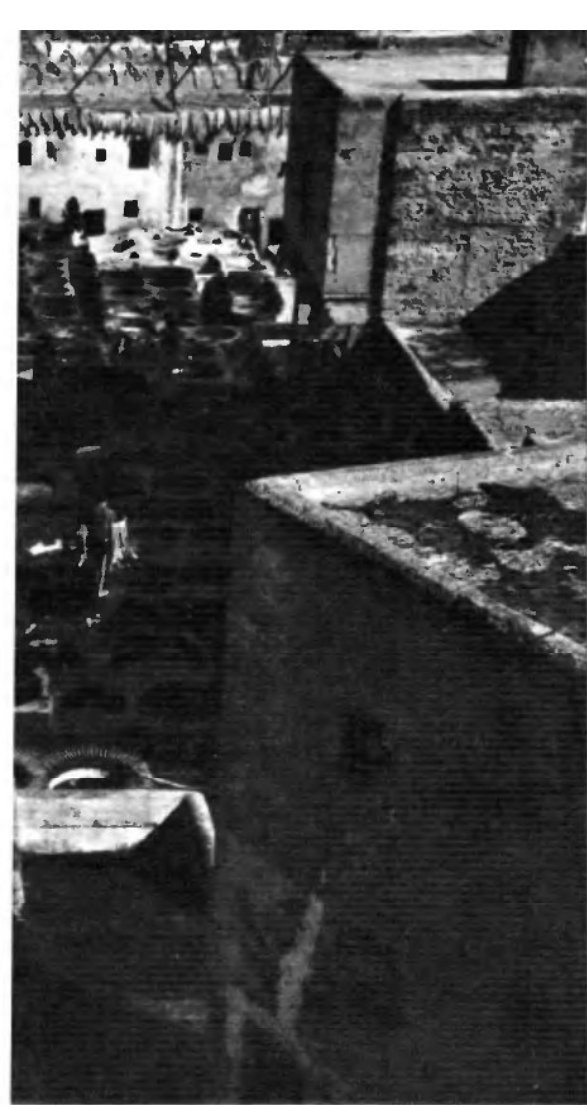

Фото Ж.-Н. Ришель © Top-Realite, Париж

В мусульманских городах любой человек, занятый в сфере экономического производства, распределения и обслуживания, принадлежал к определенной гильдии. За исключением высших правительственных служащих, армейских офицеров и богословов, население в зависимости от рода своих занятий было объединено в гильдии.

Принадлежали к гильдиям не только ремесленники и купцы, но и певцы, маклеры, аукционеры, музыканты, сказители, погонщики ослов и лодочники.

Система гильдий охватывала владельцев крахмальных фабрик, кожевенных заводов, красилен, мастерских по окуриванию серой и других сходных предприятий, расположенных не на традиционном базаре, а на

окраине города из-за «плохого запаха».

Многочисленные свидетельства говорят о том, что объединения существовали и у тех, кто вообще не имел лавок, а работал дома или просто на улице: у художников, трубочистов, водоносов, продавцов сладостей, цирюльников, посыльных, фонарщиков, повитух, а также у таких оплачиваемых государством служащих, как, например, работники скотобоев, монетного двора, сборщики налогов.

К системе гильдий принадлежал практически каждый независимо от его положения: богат и бедняк, христианин, мусульманин и иудей, местный уроженец и пришелец из чужих краев.

Социально-философские идеи, на которых основывалась такая система, передавались устно из поколения в поколение. Члены гильдии в традиционном мусульманском городе считали себя прежде всего членами общины верующих (*умма*). Связывавшие их узы определялись не национальной или расовой принадлежностью, не кровным родством, а верой в единого бога и сознанием общего долга, который требовал, чтобы приверженность этому богу доказывалась не одними молитвами, а повседневными делами и поступками человека.

Потому-то ислам не проводил — да и сейчас не проводит — различия

между религиозной и светской деятельностью. Перед лицом бога и в глазах ниспосланного им закона любой мусульманин находится в равном положении с другими мусульманами.

Гильдии были частью социально-философской системы, тесно связанной с мистическими суфийскими орденами. Вступив в суфийский орден, мусульманин подчинялся его главе — *шейху* и через него непрерывной цепи наставников, восходящей к Мухаммеду, а через него — всем предыдущим пророкам вплоть до Адама и его божественного творца.

Полезным общине считался человек правдивый, готовый прийти на помощь, щедрый и добрый к другим, а также достигший совершенства в ремесле или ином занятии, нужном людям.

Но такого совершенства можно было достичь лишь упорным трудом, под руководством опытного мастера-ремесленника, приобщившись к гильдии. Как и религиозные ордена, каждая гильдия была связана через своего главу со святым покровителем. Таким образом, система гильдий была исключительно гармоничной: каждая гильдия была связана с другими общим происхождением.

Что касается взаимоотношений между разными гильдиями, то известно, что глава гильдии мог присутствовать на обрядах посвящения в

ЮСУФ ИБИШ — профессор политических наук в Американском университете в Бейруте (Ливан), специалист по исламской литературе и философии. Данная статья, печатающаяся здесь в сокращенном виде, будет опубликована полностью в готовящемся к изданию труде ЮНЕСКО, посвященном мусульманским городам.

▶ других гильдиях и выдавать свидетельства ремесленникам из других городов. Главы гильдий переписывались и время от времени встречались друг с другом для того, чтобы договориться о стандартах производимых товаров и их качестве и определить цену на эти товары в своих городах.

Знакомство молодого ученика с его ремеслом начиналось с момента, когда наставник впервые вводил его в свою мастерскую. В присутствии других членов гильдии читалась *фатиха* (первая сура Корана) и ученику объявлялось, что он вступает в «первые врата» гильдии.

Несколько лет ученик никакой платы за работу не получал, и его семье приходилось утешать себя мыслью, что он учится ремеслу у опытного человека и с помощью гильдии приобщается к жизни общины. До обряда посвящения подмастерью не разрешалось открывать свою собственную мастерскую.

Когда подмастерье овладевал ремеслом, которому учился с детских лет, члены гильдии обращались к наставнику с просьбой совершить обряд посвящения. Часто наставник откладывал церемонию, но старался при этом не обидеть подмастерья. «Работает человек неплохо, — обычно говорил он, — но время его еще не пришло». Или: «Задатки у парня хорошие, да патока жидковата» (что означало: подмастерье должен проявлять рвение и прилежание в своей работе).

Когда наставник приходил к убеждению, что нужное время настало, он поручал *шавишу* (чиновнику, надзирающему за порядком на базаре) вручить кандидату зеленую веточку базилика или какого-либо другого ароматного растения. Кандидат принимал этот символ с выражением величайшей признательности, целовал веточку и прикреплял к своей чалме.

Наставник удостоверял, что он наряду с другими кандидатами (если таковые были) может принять участие в совместном обряде посвящения, и назначал дату церемонии. После этого *шавиш* приглашал старейшин гильдии и всех, кого считал нужным, на церемонию посвящения.

Поскольку гильдии своих помещений не имели, торжество проходило в городском саду или в доме одного из членов гильдии. Обряд начинался с того, что *шавиш* вел посвящаемого, сложившего руки на груди в знак почтения, к зеленому коврику, раскинутому перед собравшимися. Потом помощник главы гильдии приказывал *шавишу* громко читать *фатиху*, а все присутствующие опускались на колени и повторяли за ним слова из Корана.

Когда чтение заканчивалось, помощник главы гильдии приступал к «опоясыванию» (кушаком или шалью). Подняв руки кандидата с груди на голову, он раскладывал пояс, а потом начинал обматывать им посвящаемого — от талии к лодыжкам. Концы пояса он выводил вперед и завязывал их тремя узлами — в честь главы гильдии, в честь наставника посвящаемого и в честь *шавиша*.

Первый из трех узлов мог развязать только глава гильдии — чтобы посвящаемый твердо знал, что именно ему он обязан беспрекословно повиноваться. Второй узел развязывал мастер-наставник, чтобы посвящаемый знал, что ему он обязан приобретенным мастерством. Третий узел предоставлялось развязывать *шавишу*.

Эти узлы символизировали также узы, связывавшие посвящаемого с другими членами гильдии, которые отныне считали его своим братом. Когда все три узла были развязаны, помощник главы гильдии назначал

одного из присутствовавших мастеров «отцом посвящаемого по мастерству». Обычно таким «отцом» оказывался тот, у кого посвящаемый проходил ученичество, однако последнему не возбранялось выбрать и кого-нибудь другого. «Отец по мастерству» должен был гарантировать достойное поведение посвящаемого и отвечать за все его проступки.

После этого глава гильдии обращался к посвящаемому со следующими словами: «Сын мой, все гильдии и любое занятие зиждутся на доверии — это касается денег, собственности и жизни. Твое ремесло подобно твоей собственности, храни его всеми силами. Если люди доверили тебе свои деньги, не обмани их доверия, безрассудно растрачив их. Остерегайся предать своих братьев по гильдии, ибо предателя ждет неминуемая кара».

Потом он обращался ко всем собравшимся. «Что скажете вы, братья, ремесленники и мастера? Достоин ли этот посвящаемый стать мастером?» На что следовал ответ: «Да, он достоин и заслуживает этого».

Тогда к посвящаемому подходил его «отец по мастерству», чтобы принять его торжественный обет. Став лицом друг к другу, они опускались на ковер правым коленом и сближались, пока не касались один другого большим пальцем правой руки и левым коленом.

«Отец по мастерству» брал правую руку посвящаемого в свою руку, и они сжимали друг другу большой и указательный пальцы.

В это время *шавиш* накрывал их руки платком или полотенцем, чтобы другие не видели знака, которым они обмениваются. «Отец по мастерству» затем говорил посвящаемому: «Клянись мне клятвой аллаха и пророка его, что не предашь членов гильдии

Фото © Д. Дербюе, Париж

и не обманешь в своем ремесле». На что посвящаемый отвечал: «Клянусь».

Потом *шавиш* подводил посвящаемого к кушаком на плечах к старейшинам гильдии — получить их одобрение и поздравления.

Когда обряд посвящения заканчивался, все присутствовавшие усаживались за скромную трапезу, которая называлась *тамлитой* (соление). Соль играла важную символическую роль в жизни гильдий: она служила воплощением братских уз, ибо люди, разделявшие соль, становились братьями. Кроме того, ремесленников называли в то время «солью базара»: это означало, что они зарабатывают себе на жизнь в поте лица своего терпеливым и упорным трудом.

Ремесленник мог, сдав экзамен на мастерство, перейти в разряд мастеров. Если он выдерживал такое испытание, его приглашали на собрание членов гильдии, которое и решало, достоин ли он стать мастером.

Иногда от испытываемого требовали, чтобы он предварительно представил лучший образчик своей работы. Этот «образец мастерства» показывали собранию, и, если в нем находили какой-то изъян, продвижение откладывалось, потому что гильдия превыше всего заботилась о своей репутации и высоком качестве изделий.

Мастера, добившиеся влиятельного положения, назывались «старейшинами», или «уважаемыми». Они помогали главе гильдии выполнять его обязанности, а также *мхтасибу*, торговому надсмотрщику, наблюдавшему за соблюдением закона и порядка на базарах. Их ценили за добросовестность, высокие нравственные принципы и доскональное знание дел своей гильдии.

Назначение нового главы гильдии не всегда проходило спокойно и глад-

ко, поскольку обычно для этого требовалось согласие всех ее членов, хотя в некоторых гильдиях дело переходило от отца к сыну. Это не считалось отступлением от принципа выборности, поскольку дело могло быть унаследовано только с согласия старейшин гильдии, которые учитывали прежнюю деятельность кандидата и его репутацию.

Глава гильдии управлял делом пожизненно — то есть до тех пор, пока он сохранял физические и духовные силы, позволявшие ему честно и справедливо исполнять свой долг.

Глава гильдии также был обязан следить за соблюдением правил, связанных с данным ремеслом, и за наказанием тех, кто нарушал законы гильдии. Если, например, ткач изготовлял отрез ткани по размерам меньше установленных стандартов, глава гильдии рвал его на куски и развешивал их на базаре — всем в назидание.

Точно так же, если какого-нибудь члена гильдии уличали в злостном мошенничестве, глава посылал надсмотрщика закрыть его мастерскую; открыть ее вновь нельзя было без разрешения главы гильдии и старейшин. Если золотых дел мастер был повинен в изготовлении изделия из металла нестандартной пробы, глава его гильдии переворачивал ювелирный станок мастера, с тем чтобы тот не мог работать, пока глава гильдии не даст на это своего согласия. Предатели и воры обычно изгонялись, и «с ними велась беспощадная война».

Глава гильдии обязан был также находить работу подсобным рабочим, которых он направлял к мастерам-ремесленникам. Ему одному принадлежало и право переводить подмастерьев, обучавшихся делу, в ранг ремесленников и ремесленников в разряд мастеров.

Глава гильдии также давал разрешение мастеру открыть новую лавку в торговых рядах гильдии или на ее собственном базаре. Он обсуждал с властями вопросы, касающиеся его гильдии, особенно относящиеся к налогам.

Разрешал глава и споры между членами гильдии, сплачивал их в случае чрезвычайных обстоятельств и возглавлял шествие своей гильдии во время городских торжественных церемоний.

Короче говоря, глава гильдии был не только ее руководителем, но и символом самого ее существования. Более того, его власть распространялась и за пределами базара, так как он был важной фигурой в кварталах, где жили члены данной гильдии.

Еще большей властью в мусульманском городе пользовался верховный глава всех городских гильдий, поскольку он являлся не только главой цеховых объединений города, но и суфийских орденов. В некоторых случаях он выступал и в качестве старшины *ашрафов* (так называли потомков Мухаммеда). В таком триедином качестве он направлял жизнь гильдий, а через них — и базаров; это значило, что в его руках находился контроль над всем, что производили и чем торговали в городе, а также над всеми его службами.

Как верховный глава суфийских орденов он направлял деятельность отдельных «лож» и был опекуном их денежных средств. Чиновная знать и военачальники, которые не имели своих гильдий, как правило, принадлежали к одному из суфийских орденов, и это также делало их зависимыми от верховного главы.

Его влияние в городе было настолько велико, что он лишь номинально признавал власть политических правителей. Сила его духовной власти во

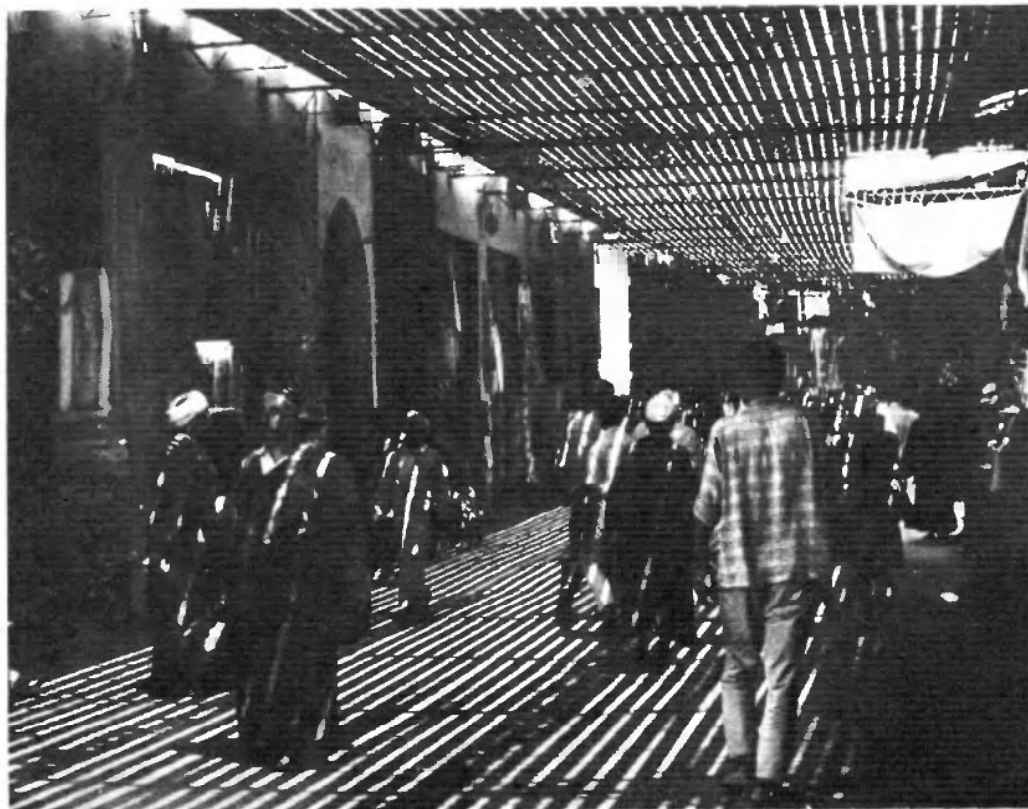

Фото С. Динкин © Перлам, Париж

Краски на коврах

Ремесленное объединение ткачей-ковровщиков (на крайнем фото слева — берберская женщина за ткацким станком) было всегда одним из главных в арабо-мусульманских городах. Мусульманам нужны были не только молитвенные коврики, но и яркие ковочки с цветным орнаментом, украшающие стены их домов и напоминающие о том, что они произошли от кочевников. Слева: торговцы тканями на базаре в Марракеше (Марокко).

многих отношениях ничуть не уступала мирскому могуществу правителей и султанов. Не следует забывать, что многие мусульманские владыки также были членами суфийских орденов и подчинялись внутренней иерархии суфиев, несмотря даже на то, что сами являлись политическими правителями. Это, конечно, не значит, что верховный глава представлял собой «политическую» фигуру в современном, западном смысле этого слова; это просто значило, что в отсутствие халифа он являлся символом стабильности в мусульманском обществе.

Под влиянием суфизма мусульманские гильдии придавали особое значение нравственным и духовным основам ручного труда. Мастерство должно было отражать «внутреннюю сущность» ремесленника независимо от материальных и других соображений. Когда ремесленник, стремящийся к продвижению в мастера, представлял в гильдию свое изделие, там оценивалась его духовная эволюция, равно как и его мастерство.

И двуединый идеал каждого ремесленника, сколь бы скромным ни был его труд, заключался в совершенствовании человеческой природы и в следовании по пути, указанному аллахом.

XIX век стал свидетелем упадка и постепенного исчезновения различных гильдий в мусульманском мире.

В условиях колониального господства или колониального давления из Европы хлынул поток более дешевых товаров, и местные ремесленники остались без работы. Колонизаторов прежде всего интересовали сырье и рынки сбыта, и потому их первыми жертвами стали местные ремесленники.

В условиях колониального правления перестройка государственного аппарата и введение новых систем налогообложения ослабили влияние традиционных авторитетов и нанесли тяжелый удар ремесленному производству. Например, глава гильдии, потеряв право решать, кому можно открыть на базаре лавку, а кому — нет, лишился и своего влияния. Введение новых тяжелых налогов и повинностей привело к тому, что многие отрасли производства перешли в руки европейцев, поскольку они этих налогов не платили.

Современные средства транспортировки изменили не только методы перевозки товаров, но также и традиционные торговые пути. С 1880 года, например, путь *кабри* (паломника) из Северной Африки больше не проходил через Каир — изменение, приведшее в упадок местную торговлю. Такие же последствия имело и строительство Хиджазской железной дороги, соединившей Дамаск и Медину.

Бурный рост народонаселения на протяжении XIX и XX веков ускорил темпы оседлости и урбанизации в мусульманском мире, и многие города оказались перенаселенными. Этот процесс сопровождался постепенным распадом традиционных социально-экономических связей.

Не удивительно поэтому, что система гильдий в мусульманских городах мало-помалу сошла на нет, а с ее исчезновением утраченным

Фото Дж. Вильсон © Рафо, Парик

оказалось и нечто большее, нежели чисто внешняя форма социально-экономического единения. Это — прямая угроза в духовном смысле. Швейцарский востоковед Титус Буркхардт со знанием дела описал сложившуюся ситуацию.

«Я знал гребенщика, работавшего в торговом ряду своей гильдии. Звали его Абд аль-Азиз («раб всемогущего»), он всегда носил черную *джеллабу* — просторное одеяние с капюшном и рукавами, а на голове — белый *турбан* с *литамом* (покрывалом для лица), обрамлявшим строгие черты его лица.

Гребни свои он делал из рога; он покупал у мясников бычьи черепа с рогами, сушил их, отрубал рога, разрезал их вдоль и выпрямлял над огнем — операция требует большой осторожности, в противном случае рог может сломаться.

Из этого сырья он вырезал гребни и вытачивал на простом токарном станке маленькие коробочки для сурьмы (которой подкрашивали глаза): левой рукой он двигал лук, тетива которого была обернута вокруг шпинделя, приводящего станок в движение, в правой руке он держал свой рабочий нож. Противовес станка он направлял ногой. Работая, он негромко напевал суры Корана.

Я знал, что из-за распространенной в Африке глазной болезни он почти ничего не видит; но благодаря долголетнему опыту он скорее «чувствовал» свою работу, нежели видел ее.

Как-то он пожаловался мне, что из-за ввозимых в страну пластмассовых гребешков страдает его дело.

«Жаль, конечно, что нынче из-за низкой цены прочным роговым гребням предпочитают плохого качества фабричные гребенки, — сказал он. — Да и к тому же глупо ставить человека к машине, где он должен бездумно повторять одно и то же движение. А тем временем старое ремесло, вроде моего, забывается. Вам моя работа, может, покажется грубой, но есть в ней особое значение, какое и не выразить словами. Я и сам это понял лишь через много лет. Если даже я захотел бы, я бы не смог передать это моему сыну, если он сам не захочет этого понять; вот я и думаю — пусть уж лучше он другим делом займется... Ремесло наше восходит от ученика к мастеру и дальше, к господину нашему Сетху, сыну Адама. Он первый научил людей этому делу, а ведь если что дадено пророком — ибо Сетх был пророком, — то оно должно иметь какую-то особую цель: и внешнюю, и внутреннюю.

Так я и пришел постепенно к мысли, что ничего случайного в нашем ремесле нет, что каждое в нем движение и каждый прием несут частицу мудрости. Только не каждому дано это понять. Но если этого и не знать, то все равно глупо и достойно порицания, когда у людей отнимают то, что завещано пророками, когда ставят их к машине, чтобы трудились они день за днем над бессмысленным делом».

Тысяча и одно ремесло

В старых арабских городах каждый — от торговцев шербетом и повитух до погонщиков мулов — был членом цехового объединения. Слева: шумный рынок в Гардиейе (Алжир).

Дар письма

Переписчики пользовались большим уважением, поскольку умение писать считалось одним из основных искусств, ниспосланных аллахом человеку. В мусульманском обществе переписчики представляли из себя многочисленную и сильную группу. Они состояли на гражданской службе у халифов, и их заработки нередко были очень высокими. Многие произведения классической арабской литературы дошли до нас благодаря переписчикам.

Торговые лавки средневековья

Розничная продажа в арабском мире мало изменилась со времен средневековья. Сук, большой крытый рынок, где торговые лавки сгруппированы сообразно продаваемым товарам, до сих пор, по прошествии тысячи лет, одна из самых характерных черт мусульманских городов. Внизу: крытый рынок в Алеппо (Сирия).

Фото © Альмази, Париж

Фото © Вернер Форман Аркайв, Лондон

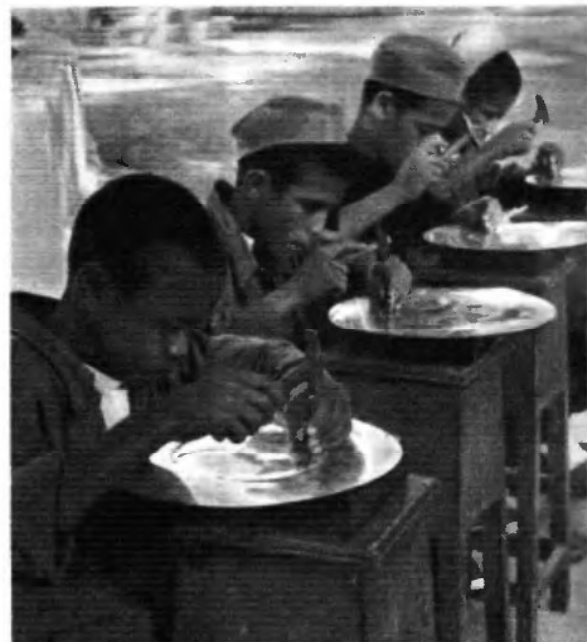

Фото ЮНЕСКО

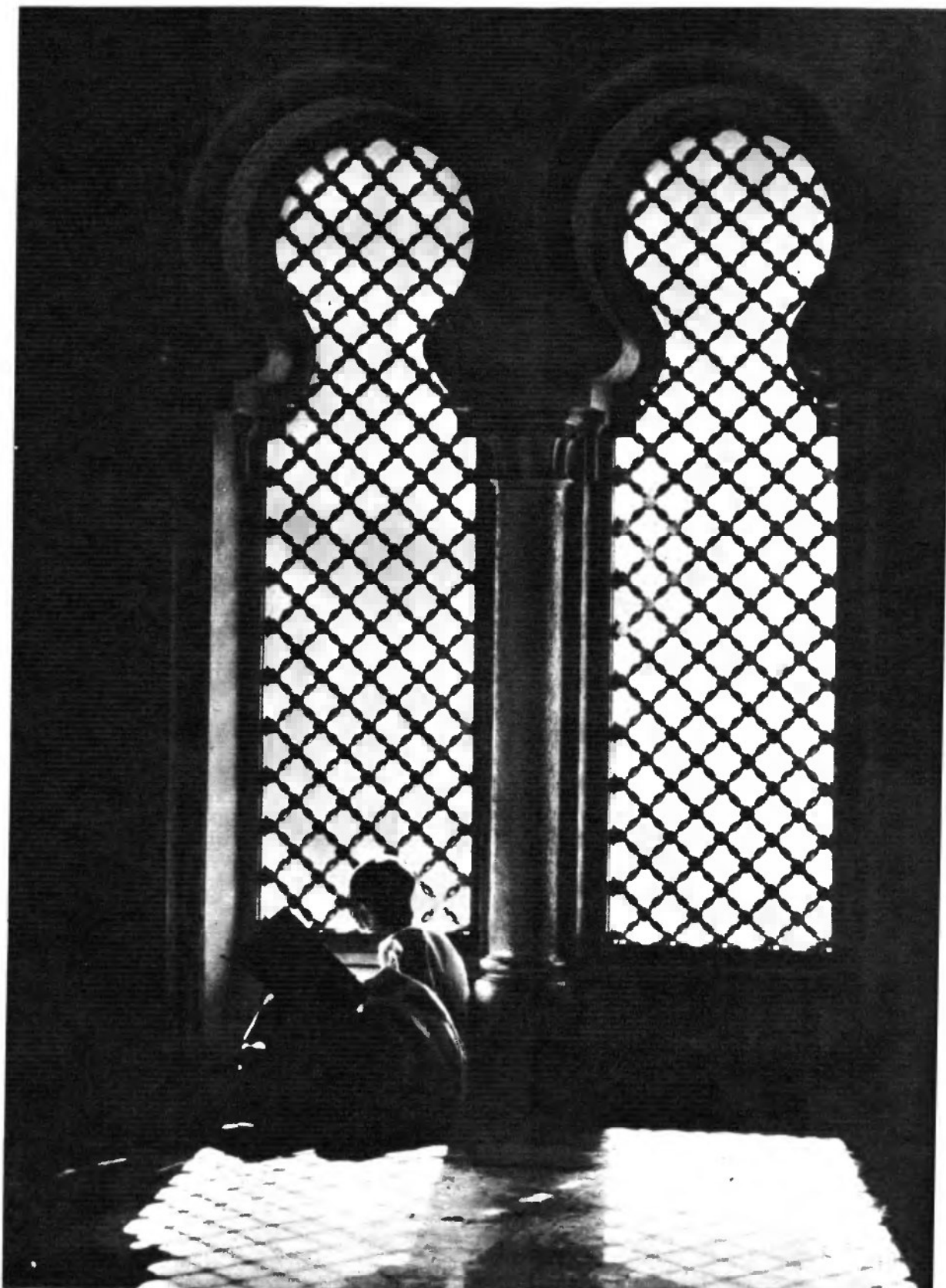
Обучение ремеслу

Обучение у мастера-ремесленника было единственной возможностью получить профессию и неотъемлемой частью системы гильдий. Вверху: мальчики обучаются чеканке по меди в школе мусульманских искусств и ремесел в Триполи (Ливия).

Бесконечное стремление

В тиши мечети в Мекке паломник изучает священный текст. Мечеть всегда была не только местом поклонения аллаху, но служила также учебным целям.

Фото © А. Фрикка, Сюд Эдиссон, Тунис

К ПОЗНАНИЮ МИРА

Мохаммед Аркун

История не знает примера постоянно развивающейся, несущей новое системы философской мысли, которая возникла бы и процветала при отсутствии ряда благоприятных условий.

Широта географического пространства — одно из таких условий. Наличие минеральных, сельскохозяйственных и промышленных ресурсов — второе условие. Не менее важными факторами являются финансовые возможности, техническое мастерство и искусная торговля, высокий уровень городской жизни, а также развитие благоприятных отношений между городами и окружающей их сельской местностью.

В большинстве своем эти условия в той или иной мере были налицо в мусульманском мире, который простирался от Ирана до Испании в период между VII и XII веками н. э. Французский историк Морис Ломбар, рассматривая положение «мусульман, противостоявших варварской Европе» в течение этого классического периода арабо-мусульманской цивилизации, обращает особое внимание

на необычность событий и свершений, падающих на 800—1000 годы.

«Волна завоеваний привела к территориальному расширению мусульманского мира, охватившего страны с самыми плодородными почвами: Месопотамию, которая была обязана своим богатством великолепной оросительной системе, Египет, хлебодородный район древнего мира, и обширные равнины Северной Африки и Андалусии, которые в изобилии поставляли пшеницу и масло римлянам».

Мусульманский мир имел доступ к «основным горнодобывающим районам Кавказа, Северной Африки и Испании, а точнее — ко всем золотым рудникам, известным тогдашнему миру: рудникам Восточной Африки, Урала, Алтая, Индии и прежде всего Судана, откуда поток золота направлялся во все страны Средиземноморья вплоть до эпохи великих географических открытий».

В сферах влияния мусульманского мира находились и «основные центры промышленного производства, такие, как города Месопотамии, Сирии и Египта, равно как крупнейшие порты мира, их суда, верфи и мореходы, порты Красного моря и Персидского залива, Сирии и Александрии, Мессины и Гибралтара».

Как указывает Ломбар, мусульманский мир «монополизировал богатые транзитные пути Дальнего Востока, Центральной Азии и Индийского океана, а также транзитные пути, ведущие из внутренних областей Африки к Средиземному морю... По существу, мусульманский мир контролировал всю сеть международных торговых путей: континентальные пути, протянувшиеся по всей Азии, морские (Персидский залив и Красное море), караванные пути через Сахару к Судану, а также русские реки, берущие начало в Каспийском море и впадающие в Балтийское море».

«Наконец, и возможно самым главным, было то, что в пределах мусульманского мира проживали наиболее опытные торговцы с их проверенной временем техникой ведения торговли и вековыми торговыми традициями».

Понимание материальных условий, благодаря которым философская мысль может развиваться и процветать, далеко не означает, что интеллектуальная жизнь подчиняется этим условиям или зависит от них. Необходимо в каждом конкретном со-

циальном и культурном контексте, в конкретной исторической обстановке рассматривать степень влияния культурной деятельности на материальные аспекты цивилизации (а в связи с этим и степень их трансформации), и наоборот.

Поэтому крайне важно найти правильный угол зрения и сделать переоценку роли классической арабской мысли в свете современной науки.

Появление Корана было первостепенным по значимости историческим событием, поскольку знаменовало собой приход новой, универсальной по своим масштабам религии. Исходя из этого, можно выделить несколько основных периодов в развитии арабской мысли.

Классический период, продолжавшийся с начала X века примерно до 1300 года, можно рассматривать как своего рода период расцвета; ему предшествовал период становления, длившийся с 632 по 900—950 годы. Затем последовал период относительного упадка (с 1300 по 1800 год), когда эпоха новаций коснулась лишь некоторых частей мусульманского мира; в остальных областях в то время царил консерватизм. Наконец ему на смену пришел период так называемого «арабского возрождения», начавшийся приблизительно с 1800 года и продолжающийся по сей день.

Арабская классическая мысль исследовала самые различные области. С разной степенью интенсивности она изучала сугубо религиозные проблемы, этику, юриспруденцию, политику, социальные и экономические вопросы, теологию и философию, а также лингвистику, эстетику (литература, музыка, живопись, архитектура), естественные науки и технику, историю, географию и космологию.

Такое разнообразие интересов указывает на необыкновенную пылкость ума. Специализация в науке, однако, никогда не препятствовала стремлению соотносить друг с другом различные дисциплины и связывать разные области знаний в единое целое.

Движимый огромным желанием походить на аллаха, который, согласно Корану, «всеобъемлющ в своей мудрости», мыслитель классического периода представлял собой гуманиста, стремящегося к знанию во всех областях. Те четкие и строгие границы, которые мы проводим сегодня между правом, этикой, эстетикой, историей, естественными науками, практически не существовали в ту эпоху.

МОХАММЕД АРКУН (алжирец по происхождению) — ректор института проблем ислама при Парижском университете. Известный ученый в области истории арабской философии. Выступает с лекциями во многих американских и европейских университетах. Автор многочисленных исследований по арабской цивилизации и философии, в том числе труда «Арабская мысль».

Слово *адаб*, что значит сегодня «литература», в классическую эпоху обозначало мировоззрение человека, его отношение к миру в целом: к знанию, к поведению в личной и общественной жизни, к просвещенному гуманизму и к той особой форме цивилизации, которая развивалась в мусульманских городах с VII по XIII век н. э.

Сначала различные области знаний, исследуемые в этот период, взаимовлияли и накладывались одна на другую. Однако по мере того как развивались социальные и культурные противоречия, они выделились в самостоятельные дисциплины.

Все виды знания, все дисциплины, за которыми арабская классическая мысль признавала право на существование, благодаря Корану получали религиозное осмысление. Ибо Коран не только утверждал единство аллаха, судьи и творца, как говорится в откровениях Мухаммеда, не только устанавливал религиозную связь между верующим и его творцом-благодетелем, но и давал также импульс к неумолимому творческому поиску во всех областях знаний.

Что касается этики и права, то разработка свода канонических законов должна была принимать во внимание общественные отношения, торговлю и производство, собственность и положение индивидуума в личной и общественной жизни. Однако нормы канонического права должны были основываться не на произвольных суждениях какого-нибудь мирского правоведа, а на заветах, ниспосланных аллахом и заключенных в Коране, или на принципах пророка Мухаммеда, выраженных в *хадисах*.

Поскольку люди не могли правильно толковать эти божественные принципы, не прибегнув к свидетельству многих поколений мусульман, живших после первого откровения Мухаммеда, на помощь были призваны история, теология и изучение языков. Философия также занимала место среди этих наук, поскольку от нее требовалась разработка методологической и теоретической основы.

Ярким примером взаимосвязи между всеми этими гуманитарными науками может служить обширный комментарий к Корану, составленный Фахр ад-Дином ар-Рази (ум. в 1209 году), в котором все области человеческого знания были привлечены для интерпретации священного текста.

Та же самая взаимозависимость наук обнаруживалась и в философии, которая явно отличалась от строго религиозного аспекта классического ислама и даже утверждала себя как видимая противоположность, о чем говорили постоянные расхождения в воззрениях на соответствующую роль разума и веры, деление на религиозное и рациональное знание, на рациональные суждения и суждения канонического права.

Однако философия фактически переплеталась с теологией, когда дело касалось этики, политики и метафи-

зики, точно так же, как каноническое право использовало области знаний, которыми занимались философы: логику, математику, риторику, естественные науки.

Взаимопроникновение философии и теологии можно наблюдать в работах мутазилитов, сторонников разума во всех областях, включая и религию, а также в произведениях таких гуманистов, как ад-Джахиз. Эта тенденция к синтезу еще более отчетливо прослеживается в X веке в трудах грамматиков, правоведов-теологов, литераторов, медиков и энциклопедистов, таких, как «Братья чистоты». Одним словом, на этом этапе творческий поиск развивался исключительно динамично и в самых различных направлениях.

Историческая и географическая науки в том виде, как их понимали в то время, также были подвержены тенденции к универсализму и эмпирической обоснованности фактического материала. Появилось множество работ по всеобщей истории, в которых хронологическому изложению событий (в особенности после появления ислама) отдается предпочтение перед мифологическими повествованиями о пророках и древних персидских царях и античными мыслителями. Кроме того, по бескрайним просторам мусульманского мира странствуют путешественники, миссионеры и купцы, которые обогащают географическую науку своими наблюдениями, новыми фактами и описаниями мест.

Ярким примером такого переплетения истории, географии и литературы может служить повествование «Аджиб и Гариб» в «Тысяче и одной ночи». В ней мы видим, как конкретные исторические события легли в основу сюжета прекрасной сказки, в которой отражено мышление народа.

раскрываются его желания, верования и представления.

Эта связь между гуманитарными науками и литературой обнаруживается в произведениях ряда авторов, в частности в трудах великого ученого аль-Бируни (ум. в 1048 году), чья философия во многих отношениях была удивительно современной (см. «Курьер ЮНЕСКО», июль 1974 года).

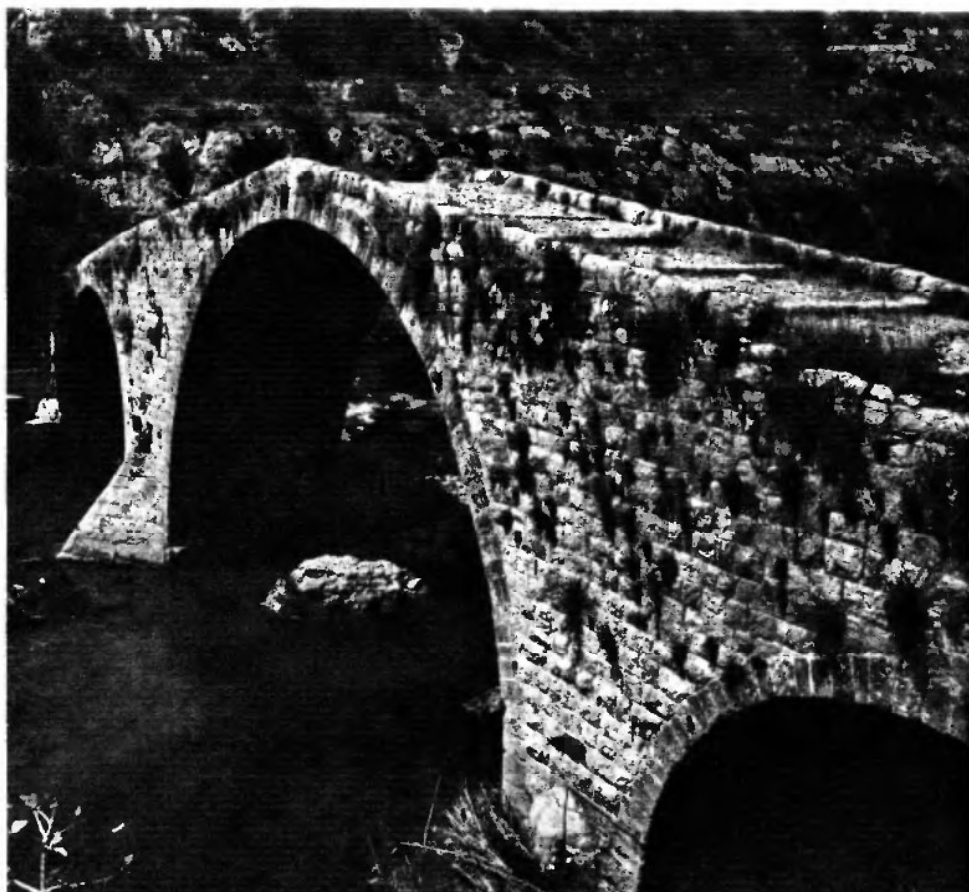
В целом этот период характеризовался постоянным столкновением двух основных подходов — рационалистического, продолжавшего традиции греческой мысли, и традиционного, заключающегося в прямом толковании священных текстов (Корана и *хадисов*).

И все же многие мыслители не придерживались в своем поиске такого разграничения. Нередко это были выдающиеся философы: например, Ибн Сина (Авиценна, ум. в 1037 году), Ибн Рошд (Аверроэс, ум. в 1198 году), Ибн Хальдун (ум. в 1406 году).

Несмотря на существование в мусульманском мире общей творческой основы для различных социальных групп, которые постепенно приобщались к городской жизни и культуре, развивалось соперничество между разными школами и «сектами», нередко доходящее до уличных схваток.

В разное время и в разных местах появлялись инакомыслящие группы и движения как протест против ортодоксальных форм, якобы открытых для всех, но на деле оставшихся «официальным» исламом: сунниты, шииты, хариджиты.

Чисто религиозная интерпретация этих различий продолжает оставаться в силе до наших дней в мусульманском мире. Но современная историческая социология доказывает их

В Севилье Хиральда (или «флюгер») был построен в 1171 году. Размеры пандуса позволяли двум всадникам одновременно подняться к вершине не спешиваясь.

Фото Г. Мартин © Рафо, Париж

СЕВИЛЬЯ

Три башни

Вдоль практически прямой линии располагаются три мусульманских святилища, построенные в XII веке во времена альморавидской династии, правившей в Марокко и мусульманской Испании. Их минареты строились по сходным проектам

РАБАТ

Хассанская башня в Рабате, которую начали строить в 1196 году, так и не была завершена. Ее окружают сотни колонн разной высоты, некогда поддерживавших крышу мечети.

Фото © Ж. Мазено, Париж

МАРРАКЕШ

Минарет Кутубийя в Марракеше, строительство которого началось в 1140 году. Поскольку минарет был неверно ориентирован по отношению к частям света, в 1195 году он был перемещен.

Фото © Альмази, Париж

тесную связь с социальными и культурными противоречиями того периода: например, требования равноправия и доступа к ответственным должностям со стороны арабизированного населения. Так, в политической обстановке аббасидского халифата эти требования могли быть облечены только в религиозную форму.

Движение хариджитов — второй тому пример: будучи, по определению, строго религиозным, оно возникло как протест кочевников против авторитарного централизованного государства.

Еще одним примером являются мусульмане-шииты: их ряды значительно возросли по мере обращения в ислам неарабского населения (*мавали*): в большинстве своем это были народы, в прошлом покупавшие товары у арабов — ремесленники и

купцы в новых городских центрах, созданных или возрожденных в ходе арабского завоевания (в особенности Басра и Куфа, а также Багдад и иранские города).

Точно так же социальные и экономические изменения, произошедшие в VIII и IX веках, создали новые группы недовольных: городская беднота, обездоленные арабские племена, крестьяне и т. д. Их протест нашел свое выражение в различных шиитских сектах, выступавших против сложившейся структуры власти.

Таким образом, именно эти социально-экономические противоречия лежали в основе разногласий между различными школами теоретиков, теологов, мистических движений и правоведов — приверженцев ортодоксальной доктрины и хранителей официального ислама.

Для ислама характерно глубокое

Межконтинентальные торговые маршруты, проложенные арабами, служили также путями распространения средневековой мусульманской культуры. Слева: мост через реку Нахр аль-Кальб, построенный арабскими инженерами в Сирии.

Фото Сиссьон © Рафо, Париж

Фото © Сулейманья лавбэри, Стамбул

Ученые, состоявшие в ордене «Братья чистоты» (Ихван ас-Сафа), занимали в X веке видное место в культурной жизни арабов благодаря своим широким научным, философским и религиозным познаниям. Вверху: иллюстрация из их энциклопедической работы «Послания Братьев чистоты». На рисунке — два автора и переписчик в окружении слуг.

▶ противоречие между личным поиском, с одной стороны, и подчинением традиции — с другой. Это противоречие было порождено социальным расхождением и конфликтами между враждующими городскими группами. Следует отметить, что возврат к традиции всегда преобладал, как только стихали споры между суннитами и шиитами или когда суннизм либо шиизм признавались официальной религией.

В XI веке сложилась система образования и возникли различные учебные заведения, призванные обеспечить преемственность религиозной жизни и ее институтов.

До этого *адаб* — культура, понимаемая в самом широком смысле этого слова, — развивался и передавался в «научных кружках», которым покровительствовали визири, князья, богатые торговцы и простые люди, увлеченные поиском знаний; эти «кружки» привлекли к себе многочисленных учеников. То же наблюдалось и в книжных лавках, где для обмена мнениями и идеями встречались люди всех социальных категорий; эта традиция и по сей день жива в арабском мире.

Теологию преподавали в мечетях, которые были не только религиозными храмами, но и центрами бурной социально-культурной деятельности.

В XI веке следующие одно за другим события начинают подрыв-

ать основы мусульманского мира и угрожать его процветанию: турки-сельджуки, хлынувшие из Центральной Азии, захватили Месопотамию, утвердились в Багдаде и содействовали восстановлению суннизма, положив тем самым конец вековому господству шиизма. Пока мусульманская Испания переживала эпоху политического раскола, кочевники из Египта вторглись в Северную Африку и уничтожили существовавшие там государственные структуры.

Арабский мир оказался на пороге грозной эпохи, когда над ним нависла опасность как внутреннего распада, так и уничтожения со стороны внешних сил: крестовые походы XII и XIII веков, монгольское нашествие XIII века и испанская реконкиста, которой было суждено продолжаться до XVI века.

Арабский мир прошел сквозь эти испытания и устоял благодаря развитой системе передачи своего культурного наследия через медресе (см. статью на с. 35) и через учебные заведения, в которых обучались мистики и (с XIII века) члены религиозных братств. Философия, которая была неотделима от медицинской науки и практики, была предметом изучения и в больницах.

Но наиболее важным фактором явилась эволюция медресе, начавшаяся с XI века. Первоначально они возникли как учреждения, способст-

вующие интеллектуальному развитию, для свободного обсуждения и обмена идеями, но постепенно превратились в центры схоластики. Став официальными учреждениями, медресе сразу же были превращены в центры преподавания принципов данной школы или заповедей данного братства, где все иные принципы полностью отрицались или же — прямо или косвенно — преподносились как отступнические, если не явно еретические.

Медресе представляла собой учебное заведение с единственной кафедрой, порученной авторитету, которого признавала данная школа канонического права. Только в рамках суннитского ислама существовали четыре такие школы: маликиты, ханбалиты, шафииты и ханифиты, — каждая со своей собственной медресе.

Развивались также особые учебные заведения, называемые домами Корана или *тадисов* и созданные по образцу медресе. Диплом выдавался учителем только тогда, когда ученик мог точно повторить определенное количество формул, логических упражнений и выводов, соответствующих традициям данной школы.

Учение превратилось в усердное зазубривание учебников, библиографий, антологий и чтение наизусть всего этого перед учителем.

Роль средневековой схоластики возрастала по мере того, как усиливалось экономическое давление Западной Европы на мусульман Средиземноморья.

Таким образом постепенно сложился идеализированный и ограниченный образ ортодоксального ислама. Созданный общиной, которая была вынуждена защищать себя от внутренней и внешней угрозы, этот образ во многом сохранился и по сей день.

Так, борьба в современном мире за национальное освобождение, трагедия арабского народа Палестины лишь усилили значение ислама и Золотого века арабской мысли.

Сегодня задачей огромной важности является пересмотр философских и исторических перспектив. Общеизвестно, что арабские ученые заняты неотложными проблемами экономического и общественного развития. В связи с этим такие актуальные и сравнительно несложные задачи, как подготовка новых, критических интерпретаций великих классических текстов, откладываются или выполняются на недостаточном серьезном уровне.

Много говорится об экономическом развитии, но гораздо меньше о культурном отставании, приводящем, в частности, к огромным пробелам в нашем знании истории общества с весьма достойным прошлым. Это справедливо в отношении всей арабистики.

Мне кажется, стоит подумать о новом мировом культурном порядке по аналогии с новым мировым экономическим порядком, который мы рассматриваем впервые в истории человечества. ■

Приятная музыка ценилась даже выше удовольствия, доставляемого охотой. Внизу: музыканты и сцены охоты на пластинке из слоновой кости, относящейся к XI веку, времени правления династии Фатимидов, которые пришли к власти в северо-западной Африке в X веке.

Арабская классическая музыка

Бернард Моуссали

Изучение музыки было обязательным элементом образования каждого культурного человека, жившего в арабском мире в IX—XIII веках. Любой по-настоящему образованный человек должен был иметь представление о музыке или освоить в какой-то мере мастерство ее исполнения.

Эпикурейская любовь к жизни, зрелища и прославление мусульманского города были излюбленными темами музыкантов того периода, находивших источники своего вдохновения в доисламской и классической арабской поэзии, в частности в *касыдах*, или *одах*. Собрание таких произведений — знаменитая «Книга песен», составленная в X веке Абуль-Фараджем аль-Исфахани, раскрывает перед нами общество одновременно сложное, высококультурное и открытое для различного рода интеллектуальных занятий.

В IX веке исполнение классической музыки достигает вершины совершенства при дворе аббасидских халифов — правителей Багдада. Это привело (уже с IX столетия) к замечательным достижениям в области музыкальной теории и созданию музыкальной терминологии, которая явилась основой для последующего развития арабской, персидской и османской музыки с XIV по XIX век.

В начале IX столетия классическая арабская музыка уже прошла полуторавековой путь развития. Истоки ее восходят к доисламской музыке, она испытывает на себе персидское и сирийское влияние, а затем в ней возникает традиция, преимущественно вокальная. Эта музыка могла быть ритмической или неритмической и, вероятно, основывалась на определенной последовательности звуков, или «гамм», содержащих пять или — в более отработанном виде — семь «звуков» различного значения.

Таким образом, это была модель системы, содержащей звуки неопределенной высоты, специфические гаммы и мелодические импровизации.

Эта музыка определялась термином *назма*, или мелодия, который предполагал ее вокальные компоненты, и термином *исба* (буквально «палец»), который, судя по названию, предполагал позицию пальцев на аккомпанирующем струнном инструменте.

Все исполнители заданной мелодии подчинялись одному и тому же ритму и пели в унисон либо с интервалом в октаву. Полифония — комбинация двух или нескольких мелодических линий — применялась нечасто и была лишь второстепенным признаком, использовавшимся для украшения в какой-то момент мелодии.

Инструментальный аккомпанемент, строго связанный с текстом, обеспечивался ударными или струнными щипковыми инструментами. Ударные инструменты состояли в большинстве случаев из маленьких барабанов группы *тамбуринов*, таких, как *дуфф*, который иногда был снабжен небольшими медными цимбалами. Струнные инструменты были представлены образцами из группы *лютен*, включавшими двухструнные *тунбуры* Багдада и Хорасана (вероятно, арабского и персидского происхождения соответственно), которые были схожи по своей форме — узкому корпусу и вытянутому грифу, — но различались по звучанию. Использовались также *лютни* под названием «уд», представлявшие собой четырехструнные инструменты с широким корпусом и коротким грифом, которые были изобретены Мансуром Зальзалем в конце VIII века, пытавшимся соединить в одном инструменте звучание всех известных прежде инструментов.

Эта камерная музыка, хотя и подчинялась строгим правилам, предоставляла исполнителям значительную свободу для проявления своей фантазии путем импровизации. Предмет гордости составляли солисты, цель которых, будь то певцы или инструменталисты, заключалась в том, чтобы пробудить в слушателе эмоциональный отклик, так называемый *тараб*, специфичный для музыки.

БЕРНАРД МОУССАЛИ (Ливан) — музыковед, в настоящее время занимается исследованиями в области развития арабской музыки в Египте, Сирии и Ираке XIX и начала XX столетий.

Фото © Штаатлх музейн, Западный Берлин, М. Лангел-Терди, Пермж, 1977

Арабская музыка создавалась тремя группами исполнителей. Первыми были певцы, некоторые из них, такие, как аль-Маусили (жил приблизительно с 743 по 806 год), пользовались большой известностью. Затем — их аккомпаниаторы, это были либо коренные арабы, либо лица неарабского происхождения, поселившиеся на арабской земле и находившиеся под покровительством аббасидских халифов. И наконец, знаменитые музыкантши и танцовщицы, привезенные в качестве рабынь из многих стран и обучавшиеся, как правило, своему искусству под руководством певцов.

Каждая композиция, ревностно защищаемая своим автором от плагиата, передавалась на слух порой с помощью лично разработанных автором систем нотной записи, тайных кодов и других мнемонических приемов. Передача осуществлялась либо от отца к сыну, либо за плату от учителя к ученику, причем учитель повторял песню до тех пор, пока ученик не запомнил ее наизусть. В тех случаях, когда учениками были рабы, плату за обучение вносили хозяева рабов.

В отличие от торговцев и лавочников (см. статью на с. 12) между музыкантами существовала острая конкуренция, и они не были заинтересованы в создании постоянных объединений или гильдий. Единения среди них явно не было. Зириаб, изгнанный Аббасидами в результате интриг и угроз блестящего Исхака аль-Маусили, был одним из музыкантов, подвергшихся жестокому испытанию из-за козней своих соперников.

Изготовление инструментов было также чисто индивидуальным делом, причем каждый музыкант изготовлял свой собственный инструмент на основе модели, переданной ему его учителем.

Халиф аль-Мамун (786—833 гг.) создал в Багдаде «Дом мудрости», где греческие, сирийские и другие рукописи переводились на арабский язык. Одним из достижений этой деятельности была популяризация музыкальных теорий Аристотеля, Аристоксена, Никомаха и Птолемея. Исхак аль-Маусили был среди первых, кто усвоил представление греков о музыке как «науке создания мелодий» и одновременно видел в ней предмет исследования на основе античных принципов вокального и инструментального звучания.

В конце IX столетия музыканты, писатели и философы начали размышлять о природе их музыки, положив тем самым начало движению, которое просуществовало до конца XIII века. В Ираке и Иране выдающимися представителями этого направления мыслителей были математик аль-Кинди (умер в 874 году) — один из самых ранних музыковедов; группа шиитских философов, известных под именем «Братья чистоты» (конец X века), а также физик и философ Ибн Сина, известный также под именем Авиценны (980—1037 гг.).

Еще одним великим теоретиком был аль-Фараби (умер в 950 году), философ, написавший известный «Трактат о музыке» (см. «Курьер ЮНЕСКО», июнь 1973). В Египте жил Ибн аль-Хайтам (приблизительно 965—1039 гг.), многогранный писатель, создавший многочисленные комментарии к трудам своих предшественников. Наконец новые музыкальные

теории стали известны и в Магрибе (странах северного побережья Африки) благодаря появившимся там трудам андалусского философа Ибн Баджи (умер в 1138 году).

Объем этих исследований и культурных обменов указывает на бурное развитие музыкальной жизни. Все эти авторы и теоретики рассматривали музыку как «научное искусство», сравнимое с арифметикой, геометрией и астрономией, и обращались к внимательному изучению акустики, композиции, ритма, а также музыкальных инструментов. И все же оставались еще большие пробелы в изучении передачи звуков и взаимосвязи между акустикой и физиологией; однако изготовление инструментов сделало шаг вперед с появлением *кануна*, разновидностей цитры, щипкового инструмента.

Никто из ученых, живших в X—XIII веках, не нашел приемлемого решения проблемы записи арабской музыки с помощью системы нот. Хотя и были сделаны некоторые попытки ввести форму алфавитной записи, этот способ не получил широкого распространения, так как музыканты опасались плагиата.

Музыка также способствовала развитию некоторых оккультных наук. Таковой была, например, и наука «соответствий», которая практиковалась в таких эзотерических кругах, как группа «Братья чистоты», и занималась изучением взаимоотношений между музыкой и элементами природы, животным, растительным миром, неживой природой и цветом.

Практическим результатом всех этих исследований было распространение аббасидского музыкального стиля в арабо-мусульманском мире.

В странах Магриба были обновлены старые музыкальные традиции и получила развитие идея о сложных композициях, или «сюитах». В Андалусии в конце IX века были созданы *мувашишати*, то есть песни и поэмы, положенные на музыку и свободные от ограничений классического арабского метра. Под влиянием Зириаба и его последователей эта новая волна открытий в области ритма проникла во все уголки арабо-мусульманского мира.

Другим важным источником развития музыки стало созданное «кружачимися дервишами» (*мевлели*) монашеское братство, основанное Джалал ад-Дином ар-Руми в XIII веке. Дервишки посвящали себя изучению музыки, которое, по-видимому, основывалось на теориях Пифагора, и систематизировали процессы посвящения в музыку и ритуальные танцы.

В конце XIII века Сафи ад-Дин аль-Урмави установил музыкальную терминологию и разрешил проблему гамм в арабской музыке в своем «Послании Шараф ад-Дину» и прежде всего в своем фундаментальном труде «Книга музыкальных тоналностей». Еще более важным было его методическое использование термина *макам* (позиция) — тоналности в классической арабской и турецкой музыке, которая явилась предвестником ее современных форм.

Однородность арабской музыки, таким образом, сохранилась до наших дней. Несмотря на различия в тоналности, ритме и композиции, она прочно связана корнями с «классическим» художественным и культурным наследием арабского мира. ■

Цветные вкладки

Стр. 25

Сюжет из иллюстрированного цветными рисунками манускрипта XIII века «Макам» (см. подписи на с. 6 и 48): ученый читает лекцию. Поляды него — книжная полка, плотно уставленная книгами.

Стр. 26

Утки и черепаха, лев и шакалы изображены на двух рисунках из знаменитого сборника басен «Калила и Димна», переведенного Ибн аль-Мукаффи (VIII век) на арабский язык с персидского индийских «Сказок Бидпай».

Стр. 27

Другой рисунок из книги «Калила и Димна», изображающий спор между воронами и совами.

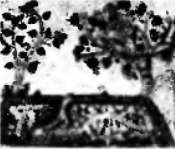
Стр. 28

Морское судно из «Макам». Арабские навигаторы проложили новые морские пути, соединяющие Азию, Африку и Европу, а также изобрели новый способ морской ориентации по звездам.

Стр. 29

На этой миниатюре из «Книги противоядий», приписываемой Галену (см. подпись на с. 51), изображен фармацевт, наблюдающий за сбором трав.

Стр. 30

Еще два рисунка из книги «Калила и Димна»: баклан и рак, черепаха и обезьяна.

Стр. 31

Сценка в мечети: имам (духовный глава) обращается к правоверным с мибара — кафедры. Рисунок из «Макам».

Фото © Национальная библиотека, Париж

فَقَالَ أَيُّكُمْ لَلْجَوْرِ أَزِيدُ وَاللَّصْدِ وَجَيْبٌ يَأْتِي بِشَيْءٍ أَنْدِيَا فَوْمٍ لِيَجِيءَ لَدَا الْيَوْمِ قَالَ فَكَانَ الْجَمَاعَةُ
 أَنْ تَأْتِي بَعْدَهُ وَتَدْعُو تَصْدِيْقُهُ فَوَجَّسَ مَا هَجَرَ فِي أَفْكَارِهِمْ وَفَطَنَ لِمَا بَطَّنَ مِنْ أَسْتِكَارِهِمْ وَجَاذَرَ أَنْ

بعض الناس ثم قال يا واة البقر وناها القول المرير اخلاصة الجوهر
 في قوله وقد قبضنا من زمان عبد الامتحان بكره الرجل اويان

من ملك الغرابان قال لذلك الغراب بعد ايام كيف استطعت
قامه مع اليوم فانه يقال لدغ النار ان اند ايسر من صحبه الاشرار
والكنونه معهم فقال الغراب ان ذلك لعل ما وصفت ولكن
اللييب اذا كان بين اظهر عدوه وقرير يد من الامر ما يرجوا به

الفيران ثم بعد ساطير لاهما ورخارف جلاها وقال اركبوا فيها بسم الله محجرا
 ومنسأها ثم تنفس تنفس المغردين أو عباد الله لك مني وقال اما انسا

بنة الاولة انه كان بعد رمي
 مع حجر انظر ما يعولون ارجح
 الى ان حلت لهم يومنا

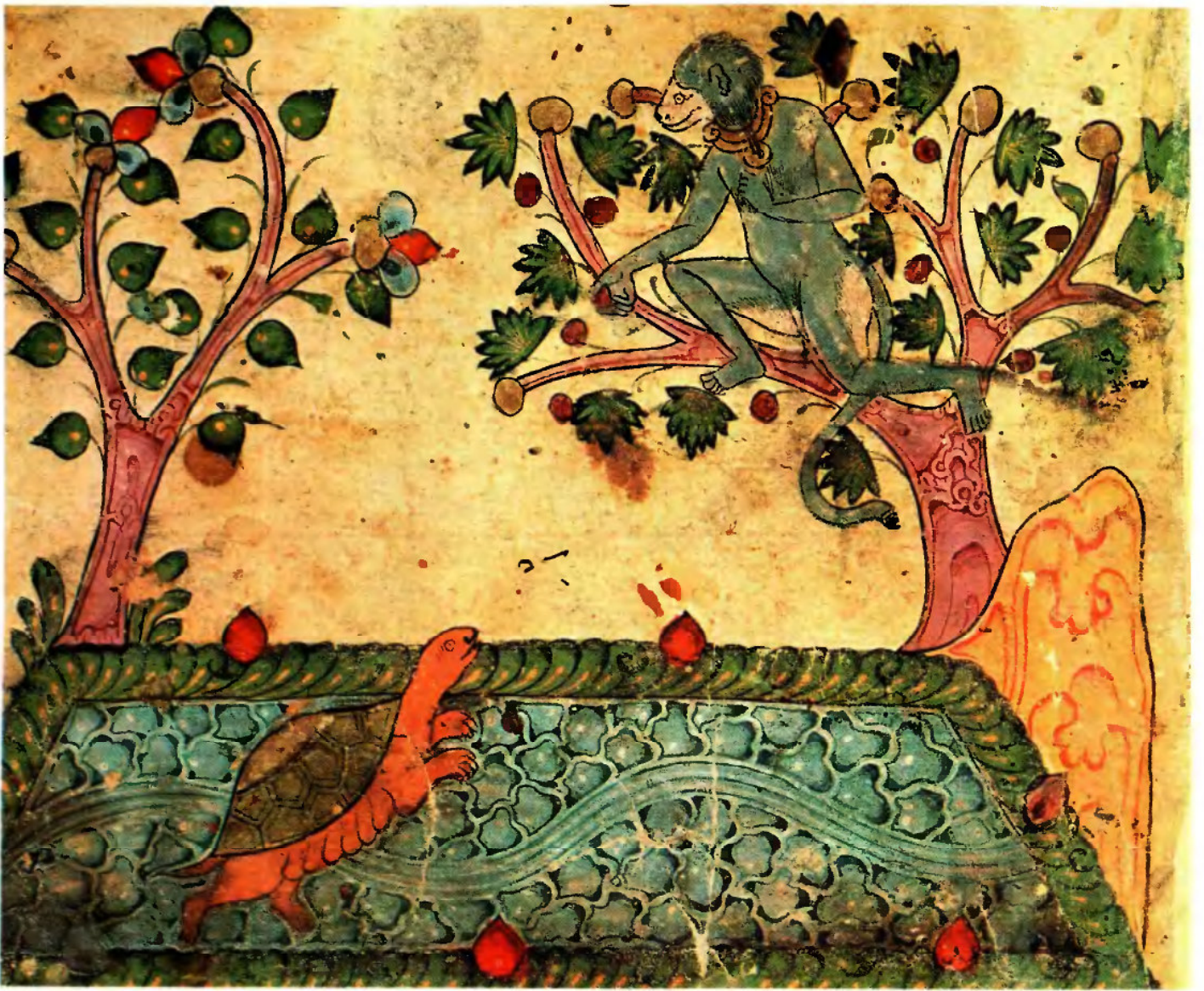
ثم الكو زليخرج منه نضن
 في ذلك اجر اذا ارجاه
 عليها الى الغداة ثم شانه
 الموت الطيبعي الذي هو
 نقة

لأنه يمدد الذرياق والفرح الأفاعي فيه هونكة أسباب على غير تحريم وإن كانت تجر به وهذا كلامه بلغظه فالك
 في بعض ضياعي بالموضع المعروف ببور ونوس جواتون تحرقون الأرض للزراع وكان بيني وبين الموضع زها فو تخين وكنت أبكر اني ألقى
 فاء ذ فرغوا وكنت أجمل لهم معي على الذاية التي تحت العلام زادوا شرابا لطيبا أنفسهم وبجلدهم على العك فإزك ذلك

الاصابة بالحمى

وكنت قد أخرج لي لا بسوقاً فيه شراب مطين الراسم يفتح وزاداً فلما أكلوا الزاد وقد مو الشراب نحرأ ساه فأدخل أحد
 فاء ذ إيه أفعي قد تفرق ونهرأ فلم يذو قوه وقالوا عندنا في هذه القرية رجل مجذوم يسمي الموت فيسقيه منه حتى يموت ويكون
 من وصيه فمضوا إليه بزاد وسقوه من ذلك الشراب ظنوا أنه لا يلبث يوماً فلما كان قرب الليل اشغ نغمه عظيمة وبقي
 سقوا عنه الجراد الخارج وخرج الجراد الداخل فلم يزل حتى صلب جاره وبرأ وعاش من مناطق لا من غير أن يشكو علة حتى
 فناء الحدة أرو الغر بية وهو دليل على أنه ينفع من الأوصاب الشديدة في الأبدان والأمراض العنة

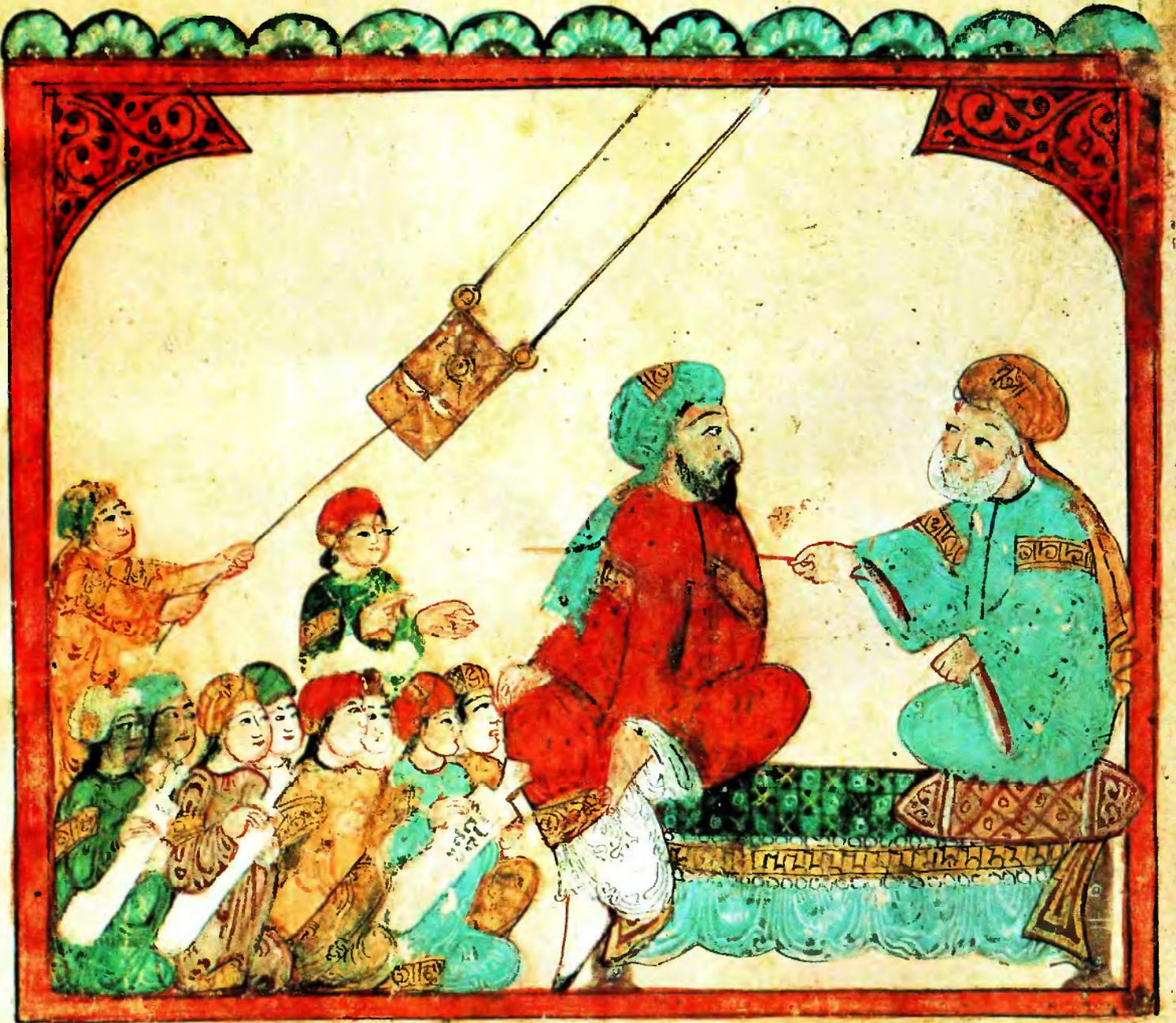

لَمْ يَزَلْ فَعَالَتَ اللَّهُ وَأَفْوُضْ أَمْرِي إِلَى اللَّهِ وَلَا جَوْلَ وَلَا قُوَّةَ إِلَّا بِاللَّهِ
 لَمْ يَبْقَ صَافٍ وَلَا مُصَافٍ وَلَا مُعَيَّرٌ وَلَا مُعَانٍ
 وَفِي الْمِيَاوِي بِدَا النَّيَاوِي فَلَا أَمِيرٌ وَلَا مُتَمِينٌ

ثُمَّ قَالَ لَهَا مَنِي النَّفِيرِ وَعَدِيهَا وَاجْمَعِي الرَّقَاعَ وَعَدِيهَا فَقَالَتْ لَقَدْ عَدَدْتُهَا لِمَسَا
 كِبٍ اسْتَعَدْتُهَا فَوَحَدْتُ بِدَا الضَّبَاعِ قَدْ غَالَتْ إِحْدَى الرَّقَاعِ فَقَالَ تَحْسَبُ لِكَيْلِكَ الْكِبَاءُ الْحَرَمُ

ظَبَطَاتُ كَمَا تَقَالُ مَا بِهِ قَلْبُهُ وَالْجِنْعَاظُ الْأَجْمُوقُ وَقَبِيلُ الْمُنَشَّطِ عِنْدَ الطَّعَامِ
وَالسَّنَاطِيرُ وَالتَّعَاظِلُ وَالْعِلَظْمُ وَالْبَطْرُ بَعْدُ وَالْإِنْعَاظُ
السَّنَاطِيرُ جَمْعُ سَنَاطِيرٍ وَهُوَ الشَّيْءُ الْخَلْفِيُّ وَالْعِنَاظِلُ لِأَنَّ الْجَرَادَ وَالْكَلابَ عِنْدَ
السِّفَادِ وَالْعِظْمُ الْخِطْمِيُّ

هِيَ هَذِي سَوِي النَوَادِرِ فَاحْفَظْهَا لَتَقْفُوا آثَارَ الْخِفَاطِ

Медресе [буквально: «место для занятий»] была университетом средневекового арабского мира. Программа основывалась на изучении Корана, исламской теологии и права, но в некоторых медресе обучали [и до сих пор обучают] также и другим дисциплинам, таким, как грамматика, литература и математика. Учащимся были предоставлены хорошие условия: обучение было бесплатным, они обеспечивались питанием, жильем и медицинским обслуживанием. Слева: традиционная сценка урока, взятая из манускрипта XIII века. Один ученик отвечает урок учителю, другой держит опахало.

Фото © Национальная библиотека, Париж

Хишам Нашаби

Наиболее характерной особенностью ислама является настоячивое требование единства — единого бога, единства духовных и материальных аспектов жизни, единства религиозного и мирского.

В мусульманском образовании это требование ислама выражается в том, что различные области знаний рассматриваются как неразрывное целое. Отсюда вытекает тот факт, что практически не было дисциплины, которую бы запрещалось изучать в школах при мечетях.

Обретение знаний считалось также требованием религии. Вот почему улемы — ученые богословы и законоведы — всегда занимали высокое положение в мусульманском обществе.

Такая точка зрения объясняет, почему образование считается не только средством обретения знаний ради самих знаний или ради познания истины. Точно так же образование считалось не просто средством стать хорошим гражданином или средством обеспечения возможности зарабатывать себе на жизнь. Образование — это прежде всего средство морального и духовного развития.

Мусульманское общество не одобряет ученых, не желающих передавать свои знания другим. Люди обязаны передавать полученные ими знания другим, и таким образом будет гарантировано сохранение накопленных человечеством знаний и дальнейшее их обогащение. Такое отношение можно считать исторической предпосылкой того, что сегодня подразумевают под «демократизацией образования».

Мечеть как учебное заведение была первым и наиболее эффективным фактором, облегчившим переход

ХИШАМ НАШАБИ — директор Макасеедского института исламского обучения в Бейруте (Ливан). Профессор истории Американского университета в Бейруте и Бейрутского университета. Более полно проблема, затронутая в этой статье, будет освещена в исследовании о мусульманском городе, которое вскоре будет опубликовано ЮНЕСКО.

Читать, писать, считать

Начальное образование в мусульманском мире

арабского общества от ранней стадии развития, когда господствовала характерная для нее устная традиция, к более развитой стадии, основывающейся на письменной традиции.

Пророк Мухаммед обратился к верующим с посланием, в основе своей отраженным в книге, уникальной книге, — Коране. Изучение Корана сразу же стало основой интенсивной образовательной деятельности. Чтению, письму и арифметике первоначально обучали с целью лучшего понимания и усвоения текстов Корана и применения в жизни его учений.

И все же устная традиция, глубоко укоренившаяся в сознании арабов еще с доисламских времен, не была предана забвению. Наоборот, ее утвердили и систематизировали в новом мусульманском обществе.

Сказочники, поэты и рассказчики, бывшие носителями этой устной традиции, продолжали исполнять свою миссию и после прихода ислама, бок о бок с наставниками нового общества.

Все эти просветители единодушно считали, что наиболее ценное качество в ученике — хорошая память, поэтому вершиной устремлений первых мусульманских ученых было выучить наизусть Коран и, по возможности, также *гадисы* (традиционные повествования о действиях и высказываниях пророка).

В период правления первых четырех халифов (преемников пророка, облеченных высшей властью в мусульманском обществе) сподвижники Мухаммеда следовали примеру своего учителя, разъявляя своим соотечественникам различные аспекты ислама. В первом веке Хиджры¹, до момента превращения мечетей в учебные заведения, в развитии мусульманского образования не наблюдалось значительных успехов.

Однако арабский язык еще в ранние времена привлекал внимание арабских ученых. Его начали изучать в мечетях, и вскоре он занял почетное место в учебной программе.

К этому же периоду относится в мусульманском мире и зарождение

¹ Хиджра — мусульманское летоисчисление, ведущееся с 622 года н. э., когда пророк Мухаммед, покинув Мекку, обосновался в Медине.

богословских дискуссий, когда в мечети Басры (Ирак) собрался первый «кружок» для обсуждения вопросов теологии.

IX и X века явились свидетелями появления выдающихся мусульманских законоведов, богословов и лингвистов, а также возникновения *куттабов*, ставших самыми широкими институтами начального образования в мусульманском мире. *Куттабы* развились в соответствии с потребностями нового мусульманского города, где умение писать по-арабски было необходимо для переписки Корана, а также являлось основным требованием, предъявляемым к государственным чиновникам. Как правило, в каждом *куттабе* был один учитель, но в некоторых *куттабах* было по два учителя и больше; один из них обычно обучал Корану. Дома улемов и лавки «торговцев бумагой» использовались также в образовательных целях.

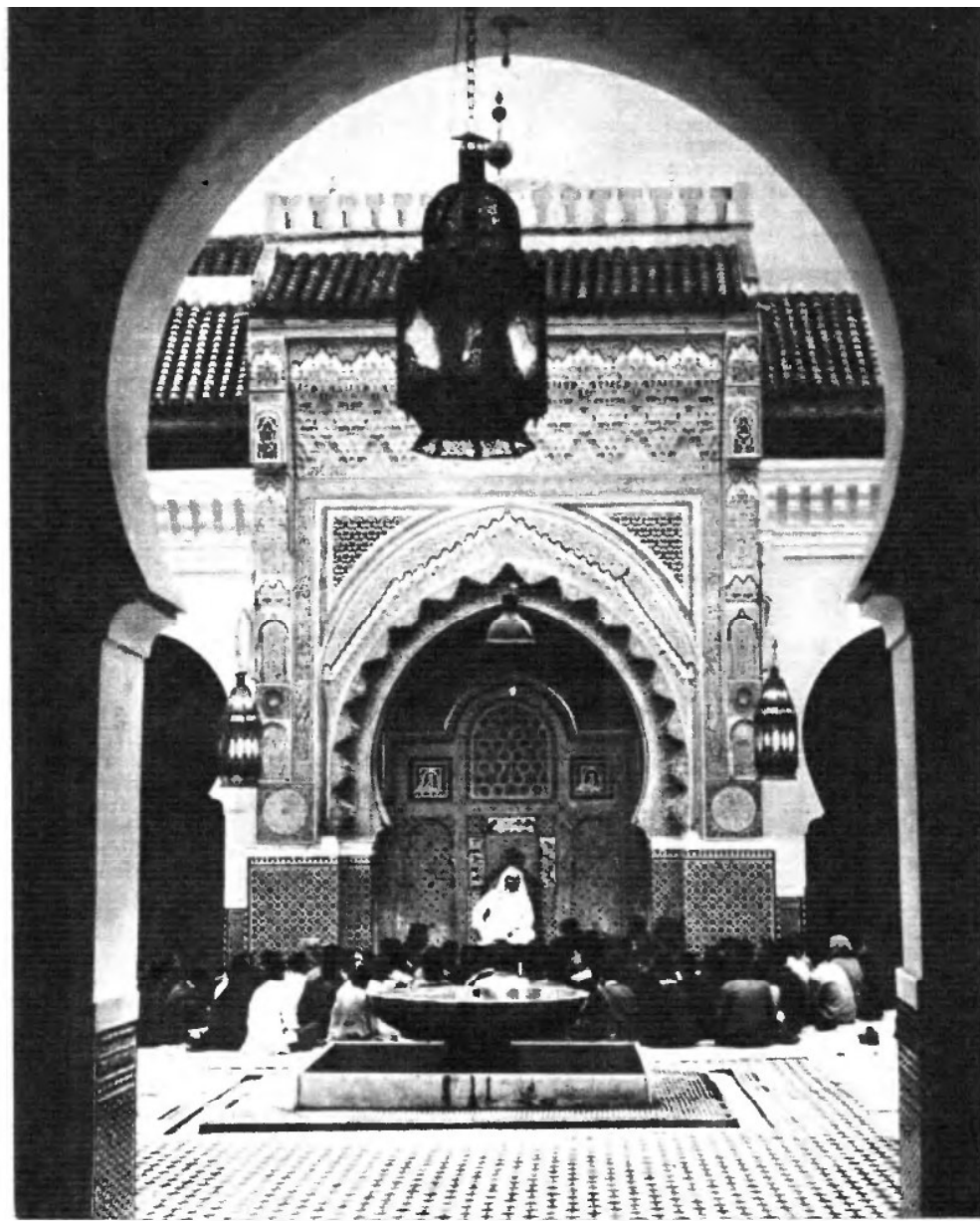
Основные успехи в развитии мусульманского образования наблюдались в X и XI веках, когда мечеть наряду с тем, что она являлась местом отправления религиозных культов и общинным центром, стала истинным университетом для всех. «Кружки», образовавшиеся при мечетях, отличались высоким интеллектуальным уровнем, и в их среде был создан ряд выдающихся произведений.

В этот период появились еще два новых учебных заведения: «Дом мудрости» и «Дом науки». В отличие от мечетей там не молились, занятия в них были чисто академическими и не обязательно связаны с богословскими науками. С другой стороны, некоторые из академических исследований, которыми занимались при мечетях, могли быть и нерелигиозного характера: нужно всегда помнить, что в мусульманском обществе мирское и религиозное взаимосвязаны.

В «Доме мудрости», основанном в Багдаде во времена правления халифа аль-Мансура (754—775 гг.), а возможно, в период правления Харуна ар-Рашида (786—809 гг.), занимались главным образом переводами. В период своего наивысшего расцвета, во время правления аль-Мамуна (813—833 гг.), эта огромная библиотека

Величественная мечеть Каравийя в Фесе в то же самое время является одним из старейших университетов мира, основанным в 850 году н. э. и продолжающим свою деятельность вплоть до сегодняшнего дня. В университете преподается мусульманское право. Студенты располагаются вокруг преподавателя, следуя давней традиции, восходящей еще ко временам зарождения мусульманского мира.

Фото С. Вейс © Рафо, Париж

► стала своего рода академией, где выдающиеся ученые переводили на арабский язык греческих и индийских авторов, изучали и обсуждали множество научных проблем.

Первый известный в истории «Дом науки» был основан в X веке в Египте. В «Домах науки» учеников и учителей было больше, чем в «Домах мудрости», и в них основное внимание уделялось не переводам, а изучению математики и медицины. Следует отметить, что понятие «математика» охватывало тогда арифметику, алгебру, геометрию, астрономию и музыку.

В XII веке получили развитие государственные школы, известные под названием «медресе» (от арабского слова «дараса» — учиться). Их обычно связывают с именем визиря Низам аль-Мулька, основавшего в 1065—1067 годах знаменитую школу ан-Низамийя в Багдаде.

В средние века медицину считали областью философии, поэтому она привлекала внимание ряда известных мусульманских философов, таких, как аль-Фараби и Авиценна. Медицину преподавали при мечетях, но наиболее серьезно медицина изучалась в *бимаристанах* — заведениях, аналогичных современным клиническим больницам.

И хотя мечети, *куттабы*, «Дома мудрости» и «Дома науки», медресе и больницы были основными учебными заведениями в арабских городах, важную роль в мусульманском образовании играли также улемы и система обучения профессии, практиковавшаяся в гильдиях и религиозных орденах.

В мусульманской системе образования существовали лишь две ступени: начальная и средняя. Дети в возрасте от 5 до 10 лет не имели права учиться нигде, кроме *куттабов*, там их обучали чтению Корана, из которого они заучивали наизусть все, что были в состоянии заучить. Они также приобретали навыки письма, переписывая отрывки текстов из Корана, и учились понемногу арифметике. Иногда в начальной школе обучали также поэзии и «мудрым выражениям».

В *куттабах* учились примерно пять лет. Преподавание в них не предусматривало промежуточной или предшествовавшей обучению в мечети ступени, и, если ученик по окончании *куттаба* хотел продолжить свое образование, он должен был найти при мечети или в медресе «кружок», который принял бы его для продолжения учебы на более высоком уровне.

В большинстве случаев, однако,

ученики после *куттаба* предпочитали заняться торговлей или ремеслом и поступали в обучение к мастеру, причем часто это был родной отец или какой-либо другой родственник (см. статью на с. 12).

Мусульманские учителя проводили четкое разграничение между методами обучения детей и методами обучения подростков и взрослых. В *куттабах* делался упор почти исключительно на заучивание наизусть, исходя из того, что в детстве человеческая память наиболее активна и ее нужно максимально использовать.

Кроме Корана, обучение по всем другим дисциплинам обычно велось учителем по принципу перехода «от более простого к более сложному» с учетом способностей его ученика. Авиценна утверждал, что при подготовке ребенка к какому-либо определенному занятию или профессии необходимо учитывать его характер и природные наклонности.

Наиболее характерной формой мусульманского образования при мечетях был «кружок» — группа молодых адептов, собиравшихся вокруг учителя, который сидел, опираясь спиной на колонну мечети. Такая практика, которую позднее ввели и в медресе, восходит к доисламским временам и до сих пор еще существует.

Медресе

Первые университеты Арабского Востока

Бадр-Эддин Ародаки

Первой школой в арабском мире была мечеть, построенная пророком Мухаммедом и его сподвижниками в Медине в VII веке. С тех пор и вплоть до X века мечети несли людям новую веру, наставляя их в своей религии. Но по мере постоянного усложнения социальной структуры, а также системы общественных ценностей и правил мусульманское общество сталкивалось с новыми проблемами.

Столетие спустя после смерти Мухаммеда [632 год н. э.] возникла необходимость в новых формах обучения: кружки по обучению создавались уже не только в мечетях, но и во дворцах, на улицах и даже на базарных площадях. Обучение уже не ограничивалось изучением Корана и распространялось также на литературу, поэзию, грамматику и другие области знаний.

На площади Мирбад, в Багдаде, собирались группы грамматиков, учеников, либо просто любопытных, часто в одной и той же мечети создавались классы по изучению законовещения, поэзии и грамматики.

Эти классы и учебные группы представляли собой своеобразный «свободный университет», поскольку педагоги не были связаны какими-либо особыми обязательствами или запретами, а ученики были вольны в выборе существующих классов, дискуссионных групп и учебных кружков.

Эта деятельность обнаруживает высокую степень культурной и социальной сплоченности. Передача знаний людьми с помощью книг, а также вклад различных культур, которые все переплавлялись в одном тигле, обеспечили арабской культуре небывалое развитие в каждой области знаний.

Во времена правления халифов династии Аббасидов [750 год н. э. — вплоть до конца XIII века] религиозное образование становится самостоятельной дисциплиной; некоторые учителя специализировались на Коране, хадисах [рассказы о жизни Мухаммеда], а также в области юриспруденции, другие изучали арабский язык, литературу и историю. Именно в этот период разрастается число учебных кружков и происходит их качественное обогащение; они-то и составили ядро будущих медресе — колледжей для взрослых, уже получивших начальное образование в частных школах или мечетях.

В X веке медресе становится самостоятельным институтом, отделенным от мечети, хотя медресе, по крайней мере на первых порах, были созданы либо для подготовки отдельного специалиста в области права, либо для обучения принципам определенной правовой школы.

Вскоре эти учебные заведения стали находиться под контролем правящих властей и были подчинены их «планам». Степень контроля и тип «планирования» частично определялись самой природой конфликтов, которые существовали тогда между династией Фатмидов и аббасидскими халифами.

Фатмиды, которые правили Египтом и Сирией с 969 года н. э., пытались вырвать власть у аббасидских халифов, резиденция которых находилась в Багдаде. Власть последних покоилась на силе сельджукских турок, и они правили начиная с 1055 года всей восточной частью мусульманского мира.

Эта борьба за власть сопровождалась борьбой религиозной, как это часто бывало в истории ислама, когда религиозные, политические и светские интересы не раз оказывались тесно связанными между собой.

Фатмиды распространяли свою доктрину — шиизм, проповедуя главным образом в мечетях областей, им неподвластных. Эти проповедники, обучавшиеся в университете аль-Азхар в Каире — главном центре изучения шиизма, столкнулись с упорным сопротивлением сельджуков.

Низам аль-Мульк [1018—1092 гг.] — Великий визирь династии Аббасидов — разработал целую педагогическую полити-

ку, конечная цель которой заключалась в том, чтобы сдержать и постепенно сокрушить влияние Фатмидов. Первым шагом на этом пути явилось создание медресе ан-Низамийя [названная по имени Великого визиря], первого «университета» в арабском мире. Он был основан общественными властями, ими финансировался, управлялся и контролировался.

Находящаяся в Багдаде, политическом и интеллектуальном центре халифата, ан-Низамийя являла собой гораздо большее, чем просто первое общественное учебное заведение. Официально открытая в 1065 году под покровительством самого халифа, она в течение последующих 200 лет служила моделью для всех медресе арабского мира.

Прежде всего, остальные медресе были построены организационно по образцу ан-Низамийи, статус которой как общественной организации был точно определен в акте основания, составленном ее главой Низам аль-Мульком. Управлял медресе либо сам Низам аль-Мульк, либо его представитель. Учащиеся получали стипендию на всем протяжении учебы [от 4 до 6 лет], покрывавшую траты на питание, жилище и другие нужды. В медресе было также большое число жилых помещений для преподавателей и студентов; ее библиотека пополнялась за счет дарственных книг, либо отказанных по завещаниям.

Были заимствованы также и ее методы набора преподавателей. Преподаватели, принадлежавшие к шафитской школе, назначались свмим главой медресе либо его представителем. Жалованье им выплачивалось из специальных средств, представлявших собой нечто вроде современного фонда пожертвований.

Другие медресе переняли и курс ее обучения. Ученики и учителя должны были принадлежать к шафитской школе; но если методы преподавания зависели непосредственно от отдельных преподавателей [которых набирали из среды крупных ученых той эпохи], то программа обучения преследовала исключительно религиозные цели: научить слушателей медресе защищать принципы шафизма перед лицом Фатмидов и пропаганды шиизма.

Медресе являлась, таким образом, высшим учебным заведением, где наряду с изучением религиозных дисциплин по Корану и юриспруденцией изучали арабский язык, литературу, поэзию, арифметику и другие дисциплины. Принимали в них лишь тех лиц, которые предварительно прошли курс обучения в школах либо в кружках при мечетях.

Два столетия позже ан-Низамийя уступила свое первенство другой медресе, аль-Мустансрийей, основанной в 1227 году и носящей имя ее основателя, халифа аль-Мустансира. Этот правитель хотел превратить новую медресе в интеллектуальный центр, способный воскресить блестящую культуру великой эпохи халифов Харуна ар-Рашида и аль-Мамуна.

В отличие от ан-Низамийи новая медресе не ограничивалась преподаванием лишь одной правовой школы, в ней предполагалось обучать принципам всех четырех правовых школ ортодоксального ислама. Эта идея нашла свое отражение в архитектуре медресе: каждая школа имела свое крыло, или портик, — иван. Кроме чисто религиозных знаний, в них обучали и многим другим дисциплинам: математике, медицине, фармацевтике, геометрии и т. д.

Она отличалась от ан-Низамийи также и тем, что количество учащихся всегда оставалось неизменным — 308 [по 62 в каждой из четырех школ], десять человек изучали Коран, 10 — хадисы, 10 — медицину и т. д.

Спустя тридцать лет после основания аль-Мустансрийей была разрушена монголами, которые захватили и предали взрушению Багдад в 1258 году. Книжки из библиотеки медресе были сброшены в реку, а преподавателей утопили. После этого завоеватели вновь отстроили медресе, которая продолжала свою прежнюю деятельность вплоть до прихода оттоманских турок, превративших ее в караван-сарай.

БАДР-ЭДДИН АРОДАКИ, сирийский социолог и писатель, преподаватель Дамасского университета, автор многих работ по социологии культуры.

Третья большая медресе, аль-Азхар в Каире, оставалась до падения династии Фатимидов оплотом шиизма и центром обучения новообращенных в шиизм. С приходом к власти династии Айюбидов в Египте (1171 г.) она потеряла свое влияние и обрела его вновь только спустя несколько лет, на этот раз уже как центр обучения суннизму, или ортодоксальному мусульманству. Аль-Азхар стала подобием двух других великих медресе.

В XIII веке все три медресе служат одному делу, однако, в то время как аль-Азхар продолжает развиваться и распространять свое влияние на весь мусульманский мир, другие две медресе, ослабленные вследствие опустошительных действий монголов, терзаемые раздорами, вызванными честолюбивыми устремлениями местных правителей, приходят в упа-

док и в конце концов прекращают свое существование. В противоположность им аль-Азхар и сейчас, спустя тысячу лет со дня основания в 970 году, остается крупнейшим религиозным университетом арабского мира (см. фото внизу).

Все три больших университета, ан-Низамийя, аль-Мустансирийя и аль-Азхар, какие знал мусульманский мир в эпоху XI—XIII веков, послужили моделями для учебных заведений в других арабских городах: аз-Захирийя в Дамаске (1264 г.), ан-Насирийя в Каире, знаменитая аз-Зайтуна в Тунисе (XIV век) и не менее знаменитая Каравийя в Фесе (Марокко).

На протяжении четырех веков все эти медресе играли важную роль не только в религиозной и политической сферах, ради чего они и были основаны, но также в деле распространения и обогащения арабо-мусульманской культуры. ■

Купол и минарет возвышаются над внутренним двором аль-Азхара, знаменитой каирской мечети, которая на протяжении более тысячи лет служит центром просвещения для всего мусульманского мира. Когда в начале этого века выдающийся египетский писатель Таха Хусейн учился в аль-Азхаре, преподавание там во многом сохранило черты средневековья. Сегодня в аль-Азхаре созданы условия для изучения практически всех предметов в области естественных и социальных наук, равно как и традиционных исламских дисциплин, а также арабской филологии.

Фото © Альмази, Париж

„Дни“

Отрывок из книги выдающегося египетского писателя

Таха Хусейн

Таха Хусейн (1889—1973), один из выдающихся современных арабских писателей, родился в Египте. В возрасте трех лет он ослеп, однако пошел учиться — сначала в знаменитый мусульманский университет аль-Азхар в Каире, затем — в один из сравнительно недавно образованных египетских университетов. Дальнейшее свое образование он продолжил в Париже, где закончил аспирантуру при Сорбонне. В своей книге «Дни» — шедевре литературы — Таха Хусейн описывает собственное детство и отрочество. Герой произведения, которого автор называет просто «мальчик», рассказывает о своей жизни. Воспоминания автора о студенческих днях, проведенных в Каире в начале XX столетия, поэтичны и вместе с тем точны по изложению фактического материала. Приводимый здесь отрывок из «Дней» знакомит читателя с методами преподавания, применявшимися в аль-Азхаре, которые поразительно схожи с методами преподавания, существовавшими в арабо-мусульманском мире десять веков назад. Однако реформы, проведенные вскоре после описываемого периода, несли в себе значительные перемены и в некоторой степени модернизировали аль-Азхар.

Печатается по книге: Таха Хусейн. «Дни», Изд-во восточной литературы, Москва, 1958.

Мальчик шел вперед со своим спутником, пересекал двор и поднимался на низенькую ступеньку, с которой начинался собственно аль-Азхар. Сердце его наполнялось смиренным и покорностью, душа наполнялась гордостью и величием. Он легко ступал по разостланным старым циновкам, которые по временам показывали находящуюся под ними землю, как будто хотели предоставить ногам идущих частицу благодати от прикосновения к этой чистой земле.

Мальчик любил аль-Азхар в этот момент, когда молящиеся расходились с молитвы зари и собирались со следами дремоты в глазах, чтобы сесть кружком около той или этой колонны и поджидать одного или другого профессора, а затем слушать у него урок предания, или экзегезы, или «корней», или догматики.

Иногда ты слышал то здесь, то там профессора, который начинал свой урок вялым голосом, голосом того, кто проснулся от сна, совершил молитву, но еще не ел ничего, что бы возбудило в его теле энергию и силу. Он говорил голосом спокойным, мягким, немного прерывающимся.

«Во имя аллаха милостивого, милосердного! Хвала аллаху, господу миров, благословение и привет над благороднейшим из посланников, господином нашим Мухаммедом, и над семьей его, и над сподвижниками его всеми. Сказал автор, да помилует его аллах всевышний и направит на пользу нам его науку. Аминь!»

...В голосе на заре звучало благословение на авторов, которое напоминало просьбу о помощи; в голосах в полдень — устремление на авторов, которое едва не превращалось в нападение. Это сравнение нравилось мальчику, вызывало у него в душе наслаждение и удовольствие. Он шел со своим спутником и поднимался на те две ступеньки, которыми начинался ливан, портик, тянувшийся вокруг главного двора мечети.

Там, около одной из благословенных колонн, к которой

толстой цепью было привязано кресло, спутник усаживал его и говорил: «Подожди здесь, ты будешь слушать урок по преданию, а когда кончится мой урок, я вернусь к тебе».

Урок его спутника был по корням права, а профессором его — шейх Рады, да помилует его аллах. Книга, по которой обучал шейх Рады, была «Книга разъяснения» аль-Кемаля ибн аль-Хумама, жившего в XV веке.

Мальчик слушал все эти слова, и сердце его наполнялось от них страхом, стремлением, уважением и величием. Корни права! Что это может быть за наука! Шейх Рады — кто может быть этот шейх! «Разъяснение» — что значит это слово! Аль-Кемаль ибн аль-Хумам! Как величественны оба этих имени! Воистину, наука — море, нет у него берегов; благо, великое благо для человека, способного утонуть в нем.

...Однако теперь он вынужден слушать и не понимать. И как часто он мысленно вертел ту или другую фразу, авось найдет в ней что-нибудь, но не добивался проку. Все это только увеличивало в нем уважение к науке, почтение к ученым, сознание своего ничтожества и готовность к труду и старанию.

Мальчик сидел около колонны, играя цепью и слушая шейха, который излагал свои уроки о предании. Он понимал его ясно и отчетливо; его смущали только имена, которые падали на учащихся одно за другим. Предшествовало им слово «рассказал нам», а отделялись они словом «от».

Мальчик не понимал смысла этих имен, ни их последовательности, ни этого надоедливое «от». Он мечтал, чтобы кончились эти «от» и шейх перешел к преданию, которое было важнее комментария...

...Он спрашивал самого себя, когда же его причислят к аль-Азхару и он станет учащимся, занесенным в его списки. А в эти дни он был только мальчиком, который слушает два этих урока регулярно, в обязательном порядке.

И вот наступил «знаменитый день», и мальчику сказали после урока права, что он пойдет на экзамен в знании Корана как подготовку к зачислению его в аль-Азхар.

Когда ему сказали, что через час его будут экзаменовать, сердце забилось у него от страха, и он поторопился к месту экзамена в отделе слепых, в полном страхе, со взволнованной до последней степени душой. Однако он не успел приблизиться к экзаменаторам, как страх у него сразу исчез. Он ожидал, когда два экзаменатора освободятся от ученика, который был перед ними, и вдруг он услышал, как один из экзаменаторов подозвал его.

Он сел перед экзаменаторами, у него потребовали прочитать суру «Пещера». Едва он прочел несколько первых стихов, как его попросили прочитать суру «Паук». Едва он прочел несколько первых стихов, как один из экзаменаторов сказал: «Ступай, слепой, ты принят».

Мальчик ужаснулся такому экзамену, который не дает никакого представления и не доказывает запоминания. Он ожидал по меньшей мере, что его будут экзаменовать коммиссия хотя бы так, как экзаменовал его отец-шейх. Однако он ушел довольный своим успехом, раздраженный экзаменаторами, с презрением к экзамену. Он не вышел еще из отдела слепых, как брат завернул с ним в какой-то угол и один из служителей взял его за правый локоть и завязал вокруг кисти браслет из ниток, скрепив концы его кусочком свинца с печатью, и сказал: «Ступай, да поможет тебе аллах».

Мальчик не понял значения этого браслета, однако брат сказал ему, что браслет останется у него вокруг кисти целую неделю, пока он не пройдет через осмотр врача, который обследует его здоровье, определит возраст и сделает прививку, предохраняющую от оспы.

Мальчик был бы готов радоваться этому новому браслету, который указывал на то, что он, кандидат для зачисления в аль-Азхар, прошел первый из его переходов. ■

В арабо-мусульманском мире каллиграфия широко использовалась в архитектуре и как средство передачи текста, и просто для украшения. Архитекторы и скульпторы порой покрывали целые стены дворцов и мечетей затейливой арабской вязью, стилизованными мотивами из растительного мира и геометрическими фигурами. Стены дворца Альгамбры (внизу) в Гранаде (Испания) богато украшены надписями на арабском языке, образующими узорную наружную лепку дворца. Дворец Альгамбра (XIV век) — один из старейших шедевров арабской архитектуры, сохранившихся в целости до наших дней.

Фото Капр — ЮНЕСКО

Арабская
ВЯЗЬ
на стенах
зданий

Единство
каллиграфии
и архитектуры

Мустафа эль-Хабиб

Вклад арабов в такие области мусульманской культуры, как история, религия и лингвистика, очевиден, и его легко можно выделить из других творческих сил, формировавших культуру исламского мира. Но гораздо труднее проследить арабское влияние на фоне многих различных влияний, из которых складывалось искусство (в том числе и архитектура) мусульман.

И все же арабы и их национальный гений оставили заметный след в изобразительном искусстве мусульманских стран. Действительно, имеются коренные различия между искусством таких древних и однородных культур, как культуры Месопотамии, Египта и Персии, и видами искусства, бурно развивавшимися в ранних мусульманских обществах.

Но давайте сначала проанализируем основные факты культурной жизни и истории стран мира, с которыми столкнулись арабы, вышедшие за пределы Аравийского полуострова и устремившиеся на Ближний Восток.

В современных исследованиях основное внимание обычно уделяется греко-латинской и персидской культурам, сыгравшим основополагающую роль в формировании мусульманской культуры. Но действовали и другие силы: например, следует особо отметить влияние Йемена с его древней и самобытной арабской культурой. Согласно арабским авторам, Йемен внес значительный вклад в такие области мусульманской культуры, как городское строительство и организация городской жизни.

Мы знаем также, что на севере Аравийского полуострова, на границе между Византией и Персией, существовали и другие центры арабской культуры, на развитие которых в течение многих лет влияли их связи с могущественными соседями, но которые при этом все же сохраняли свою яркую индивидуальность.

Важнейшими из центров арабской культуры были государства Пальмира (на территории современной Сирии), Лакмидов (Ирак) и Гассанидов (Сирия).

Расположенный на караванном пути из Дамаска в долину Евфрата в оазисе среди Сирийской пустыни, город-государство Пальмира славился своими достижениями в области экономики, политики и искусства. В III веке н. э. Пальмира выступала союзницей Рима, соперничавшего с могущественной династией Сасанидов, которая правила Персией с 226 по

651 год н. э. Быстрое завоевание Египта и Малой Азии знаменитой царицей Пальмиры Зиновией и ее сыном Вахбаллатом предвосхитило арабскую экспансию несколькими столетиями позже. Рим, тогда еще не вступивший в эпоху упадка, был встревожен ростом могущества Пальмиры и выступил против Зиновии. В 272 году н. э. ее войска были разбиты императором Аврелием, а город был разрушен.

Падение Пальмиры расчистило путь для другого арабского народа, появившегося на Ближнем Востоке. Это были Лакмиды, выходцы из Йемена, со столицей в городе эль-Хира в Ираке. Будучи по вероисповеданию несторианскими христианами¹, Лакмиды в своей политике лавировали между Римом и сасанидской Персией.

Покровительствовавшие искусствам, и особенно поэзии, Лакмиды пользовались значительным влиянием при дворе Сасанидов, в то время как их собственная столица, согласно древним источникам, представляла из себя изумительно красивый город с множеством великолепных дворцов.

Эль-Хира была городом, где перекрещивалось влияние трех различных культур: персидской, местной арабско-языческой и византийской. Именно здесь была создана арабская письменность, здесь расцвела городская культура и здесь христианство приняло именно ту форму, в которой оно могло быть перенесено в пустыни Аравии.

Гассаниды — еще один арабский народ, вышедший из Йемена и осевший в Сирии, — исповедовали христианство монофизитского толка². В начале VI века они объединились с Византией в борьбе против Персии и Лакмидов.

При гассанидских правителях арабская культура достигла небывалого расцвета. Гассаниды играли активную роль в строительстве городов

в Сирии, и одно время их считали основателями Дамаска.

Разгром Гассанидов византийцами в 592 году н. э. и Лакмидов персами в 613 году привел к упадку арабские государства, расположенные в Сирийской и Месопотамской пустынях.

Но прошло немного времени, и арабы этих мест нашли себе новых союзников. Несомненно, помня об общности своего происхождения (юг Аравийского полуострова) и единые в своей ненависти к бывшим властителям, они приветствовали новых завоевателей, которые незадолго до смерти пророка Мухаммеда хлынули к северу от района Хиджаза на побережье Красного моря. Арабы (Ближнего Востока) объединились под знаменами своих мусульманских соплеменников и со временем приняли их религию.

Таким образом, продвижение новообрацненных арабов-мусульман в направлении «Плодородного Полумесяца» — богатой области, простиравшейся от Египта до Месопотамии, — отнюдь не было случайным и изолированным явлением или просто вызовом греко-латинскому и персидскому господству. Это была глава истории, имевшая глубокие корни в прошлом народов Ближнего Востока, и означала она не только возрождение, но и революцию.

Кочевников Хиджаза и их арабских соплеменников вдохновляло историческое, культурное и религиозное наследие, исторически складывавшееся постепенно и неуклонно еще с дохристианских времен.

Оценку творческих сил арабского искусства ни в коем случае нельзя сводить к чисто количественному анализу изобразительных искусств кочевников. Нужно принимать в расчет арабское общество того времени в целом со всем его опытом, приобретенным как кочевыми, так и оседлыми арабами не только в пределах района Хиджаза или даже Аравийского полуострова. Такой подход поможет нам понять, почему арабское мусульманское искусство утвердилось с такой быстротой.

Когда пророк Мухаммед строил себе дом в Медине, где он жил в изгнании, он создал новый тип постройки, ставшей прообразом так называемой гипостильной арабской мечети (в которой потолок поддерживается колоннами).

Во всех формах творческой деятельности проявляются заимствова-

¹ Несторианство — религиозное учение, приписываемое Нестору (около 380—451 года н. э.). Согласно этому учению, у Христа была двойственная природа — не только божественная, но и человеческая.

² Монофизитство — религиозное учение, признающее в Иисусе Христе только одну, божественную, природу, а не две (божественную и человеческую). В настоящее время этого учения придерживаются Армянская и Сирийская церкви, а также Коптская церковь Египта и Эфиопии.

«Вечные слава и почет» — гласит надпись на арабском языке на этой небольшой пластинке из слоновой кости. Покрытая узорной «скорописной» вязью, известной под названием сульс, эта пластинка была сделана в Египте или Сирии в XIII или XIV веке.

МУСТАФА ЭЛЬ-ХАБИВ (Тунис) — специалист по арабо-мусульманскому искусству, читает лекции в Луврской школе в Париже по арабской эпиграфике и палеографии. Куррирует Отдел искусства стран Магриба (Северная Африка) в Музее искусства Африки и Океании в Париже, автор многих работ по различным аспектам мусульманского искусства и культуры.

Фото Л. Жюбер © Лувр, Париж

Священный город Иерусалим

Иерусалим — одно из самых священных мест мусульманского мира. В период раннего исламства вдоль дорог, ведущих к этому городу, для удобства паломников и пилигримов клали камни с указанием расстояния до Иерусалима. Вверху: камень, на котором высечено расстояние до Иерусалима и имя халифа Абд аль-Малика из династии Оммаядов, основателя знаменитой Мечети на скале (справа). Внутри этого святилища, строительство которого было завершено в 691 году, Священная скала (внизу) окружена колоннадой. Мечеть на скале, известная также как мечеть Омара, построена в витиеватом византийском стиле и богато украшена разноцветной мозаикой. Вместе с расположенной неподалеку мечетью аль-Акса это святилище — одно из основных в мусульманском мире.

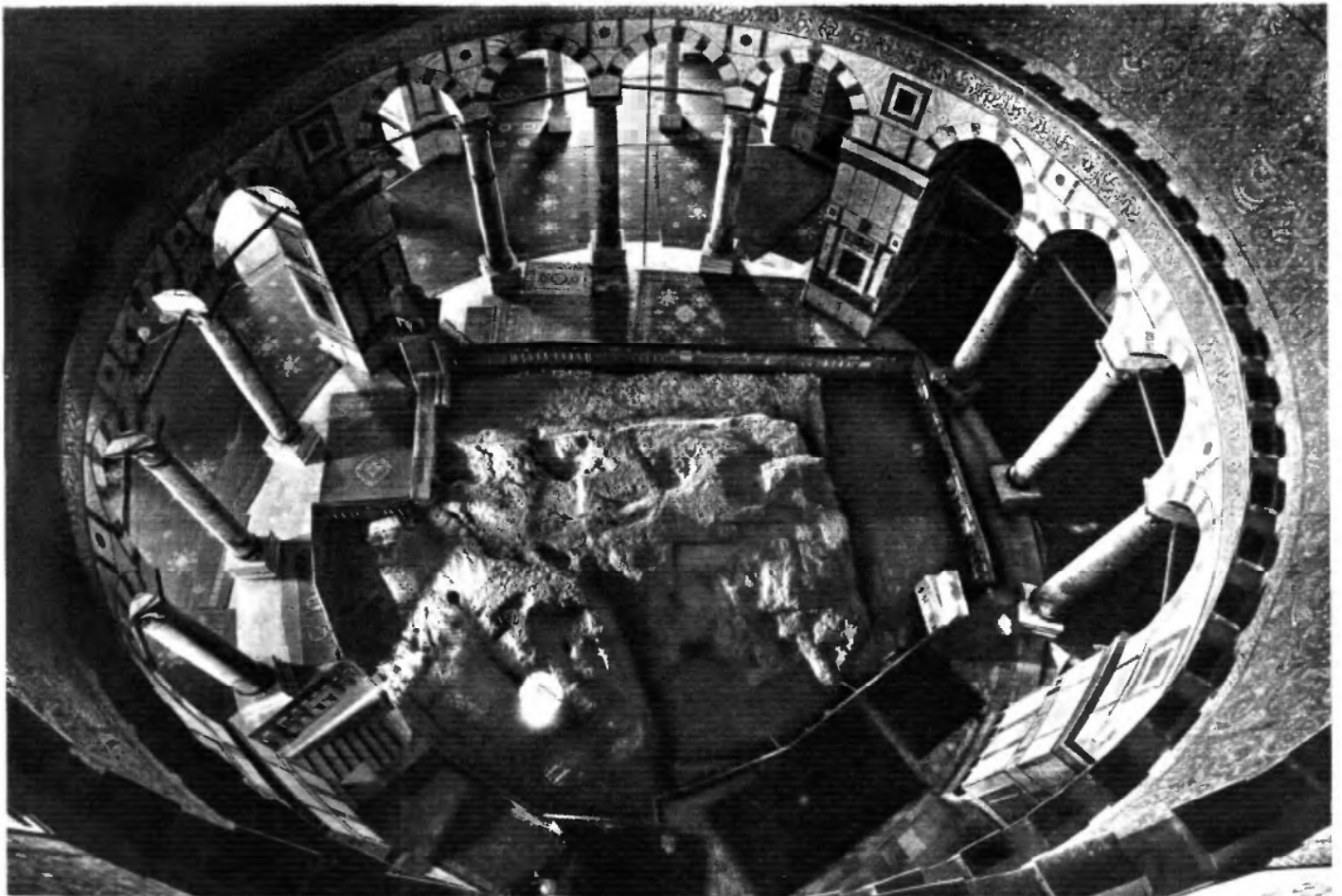

Фото Г. Герстер © Рефо, Париж

ния и внешние влияния, но арабскую мечеть от храмов других религий, таких, как христианство, отличает основная характерная черта, в которой нашла свое непосредственное отражение вековая привычка кочевников располагаться рядом по кругу во время стоянок в пустыне. Они перенесли эту привычку на молитвы в мечети, чем и объясняется то, что ширина молитвенных залов мусульман превышает их длину.

Это архитектурное новшество соответствовало учению пророка о храме нового типа, в котором на обсуждение мог быть поставлен любой вопрос, интересующий общину, — политического, религиозного, морального или социального плана.

Дальнейшее развитие архитектуры мечетей после смерти пророка было прямым или косвенным отражением его первоначальных идей. К добавлениям первого рода относится постройка минарета—башни, с которой верующих призывают к молитве. Так

нашел свое выражение обычай, существовавший при жизни Мухаммеда, когда призывы к молитве провозглашались с самой высокой крыши вблизи мечети. К добавлениям такого рода относятся также колонны и капитель, ведущие свое происхождение от стволов пальмовых деревьев, поддерживавших крышу в первом молитвенном зале в Медине.

Косвенным отражением идей Мухаммеда можно считать *михраб* — молитвенную нишу в центре стены, обращенной в сторону Мекки, священного города мусульман, а также орнаментальное украшение мечетей письменами, вытеснившее фигурный орнамент памятников доисламского периода.

В период правления первых арабских династий мусульманская архитектура достигла совершенства благодаря постоянным техническим усовершенствованиям. Так, письменные источники свидетельствуют о том, что в первые столетия Хиджры приме-

нялся некий сорт бетона. Он готовился из мела, песка, глины и щебня, и эта смесь затвердевала, как камень.

Из этого становится ясным, почему арабо-мусульманские памятники архитектуры не только величественны, но также и чрезвычайно прочны и устойчивы к воздействию времени и непогоды. На Иберийском полуострове по сей день в прекрасном состоянии сохранились некоторые мечети и дворцы IX века.

Решение проблемы опоры для крыши часто варьировалось. Временами использовались колонны из более ранних построек, но затем в архитектуре мусульманских стран Запада и Востока античные колонны уступили место колоннам более стройным, с широкими капителями, завитки которых напоминали о растительном мире, и особенно о пальмовых рощах, среди которых жили Мухаммед и его сподвижники.

Облик арабской мечети оконча-

Построенная до 850 года н. э. знаменитая мечеть в Сусе (Тунис) — одна из древнейших в арабо-мусульманском мире. Справа: угол главного двора, обрамленный арочными проходами. Верх стены украшает фриз из арабской вязи, органично вписывающийся в архитектуру мечети.

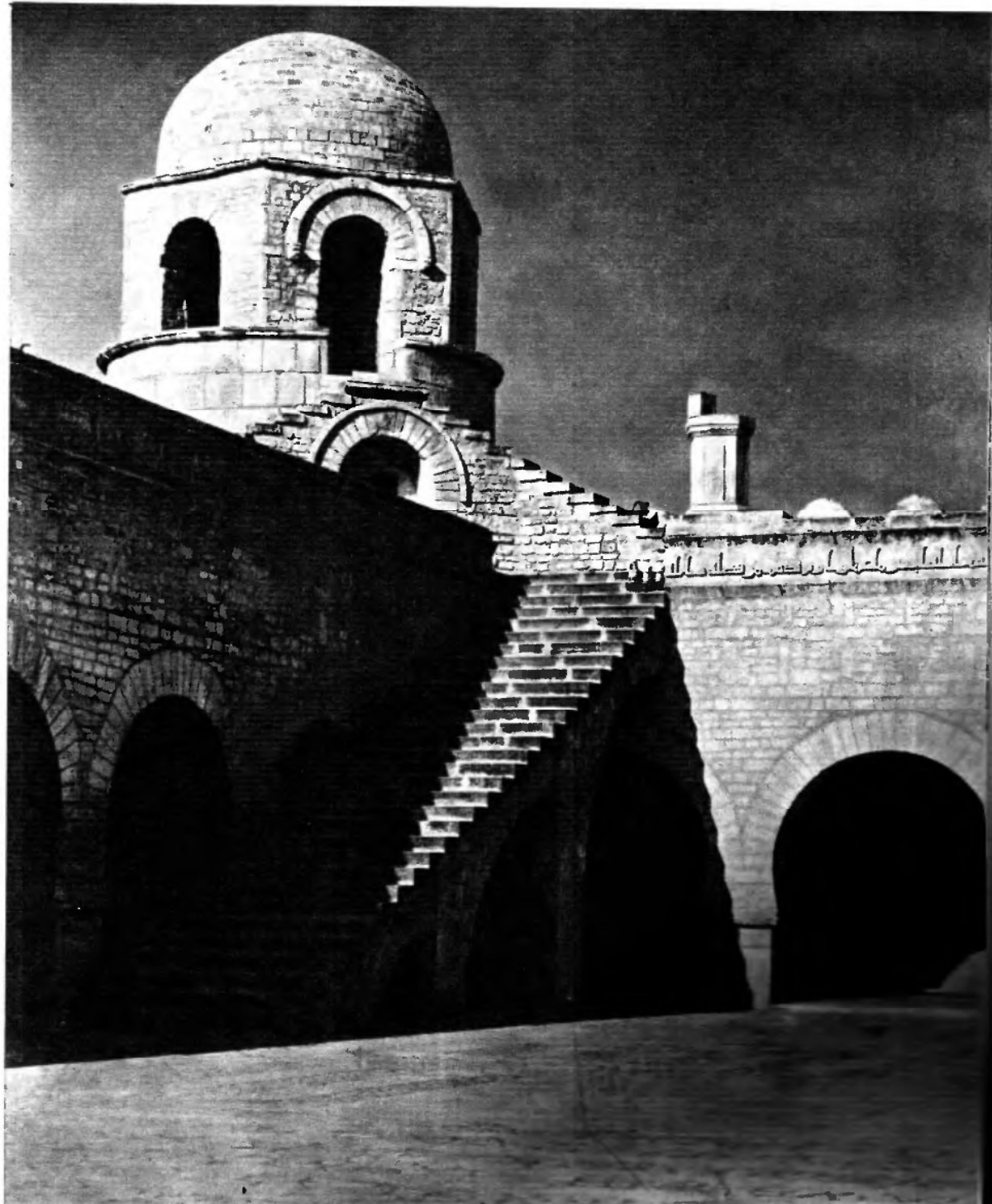

Фото © Ж. Мазено, Париж

Место для молитвы в пустыне и в городе

Слева: в южном Алжире, в глубине Сахары, паломники рядами камней отгораживали место для молитвы. Мусульманин может возносить молитвы вллаху там, где его застигнет судьба, но при этом он всегда должен быть обращен лицом к Мекке. Чтобы определить направление, в котором следует возносить молитвы, нужно было повернуться лицом к алькову или нише (михраб) в стене мечети, обращенной к Мекке. В большой мечети Кордовы [Испания] под михраб отведен целый зал, богато украшенный рядами колонн и потолком в форме купола. Мечеть была построена в 785 году Абд ар-Рахмвном и является ярким примером арабо-мусульманской архитектуры Андалусии, сложной по замыслу и пышной по декору. Более скромным примером архитектуры мусульманских святилищ служит мечеть одной из общин в пустыне Мавритании, в Чингуэтти (внизу). На другом конце арабо-мусульманского мира муэдзин (внизу слева) созывает правоверных на молитву с вершины наклонного минарета в Мосуле [Ирак].

Фото Нод © Африк-фото, Париж

Фото Г. Герстер © Рефо, Париж

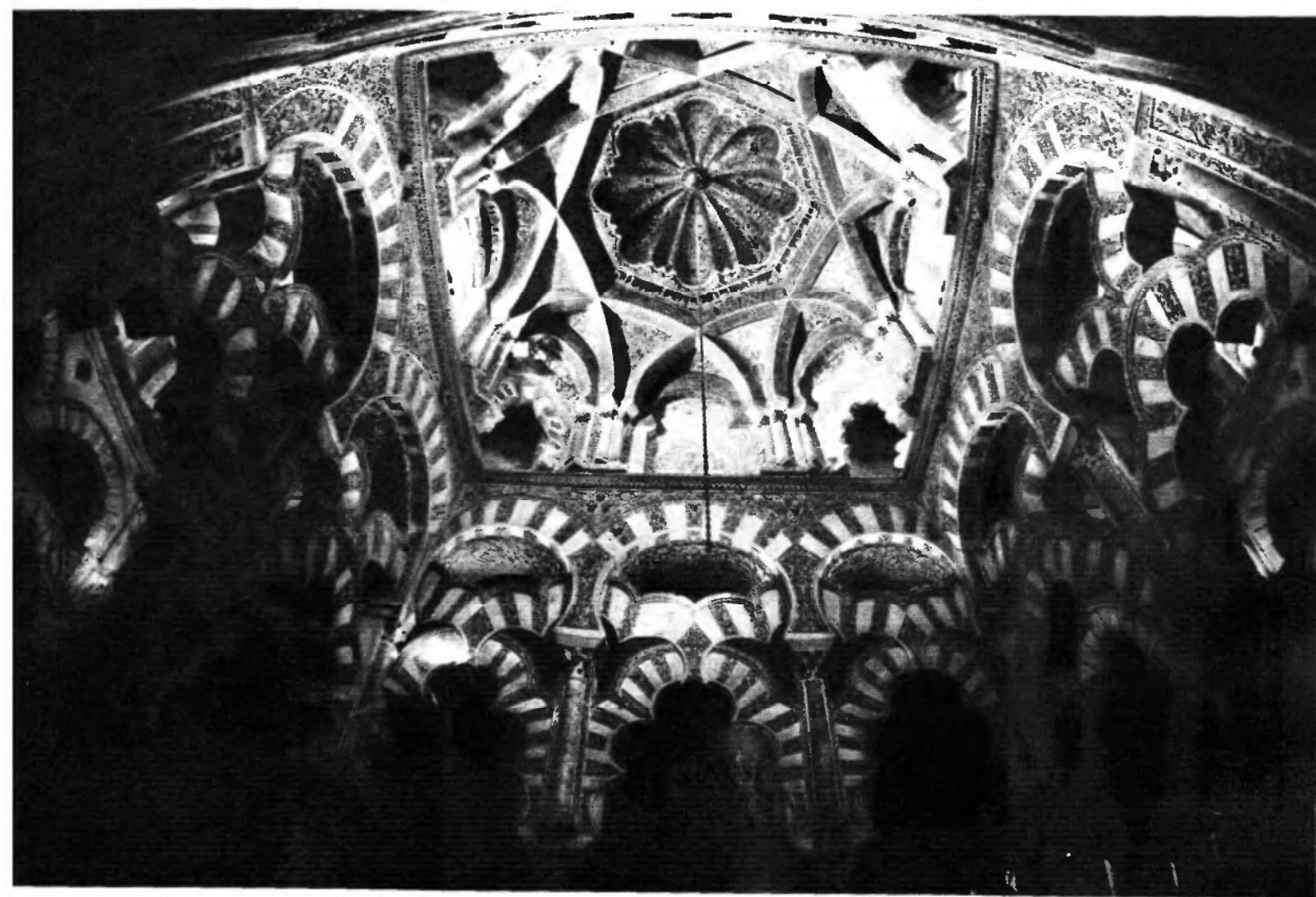

Фото Г. Герстер © Рафо, Париж

тально сложился тогда, когда арабские архитекторы восстали против голых поверхностей и прямоугольных форм, столь любимых их греческими предшественниками. Этот отказ от традиций прошлого выразился в творческих поисках по двум направлениям: архитектура мечети и орнамент.

В обоих случаях поиски шли по пути устранения углов и возрождения традиционного орнамента, который существовал как в Месопотамии и Персии, так и в Византии и рисунок которого был доведен до совершенства, из тысячелетия в тысячелетие повторяя одни и те же узоры и мотивы.

Поиски в первом направлении привели к развитию таких архитектурных элементов, как купола, своды, арки и так называемая «мукарна» — лепка, напоминавшая по рисунку пчелиные соты или сталактиты.

Поиски в развитии орнамента привели к появлению арабесок, для которых характерны причудливые мотивы растительного мира, передающие ритмику движений и отвечающие стремлению мусульман к абсолютно заполненным поверхностям.

Математическая точность арабесок нашла в XVI веке своего поклонника в лице итальянского художника Рафаэля, который ввел их в искусство эпохи Возрождения.

Однако любой рассказ о поисках

новых творческих методов в истории развития орнамента мечетей не будет полным без упоминания об арабском искусстве письменного орнамента, тесно связанного с искусством арабески.

Арабское искусство, как ни одна из культур, использовало письменность в орнаменте. Арабский алфавит, вобравший в себя основные буквы древних семитских языков, на которых писали справа налево, отдельно или слитно в скорописи, уже знали на Аравийском полуострове в V—VI веках н. э., еще до возникновения ислама.

Ранние арабские авторы отмечают, какое важное значение пророк Мухаммед придавал письменности как средству пропаганды мусульманской веры. При этом они указывают, что его окружение включало не только его сподвижников, которые должны были знать Коран наизусть, но и определенное число писцов, которым была доверена запись пророчеств Мухаммеда.

По мере распространения мусульманства по всему Аравийскому полуострову возрастала необходимость в обучении правоверных языку Корана. Известно, что после битвы при Бадре (против мекканских язычников) пророк Мухаммед освобождал каждого грамотного пленного, согласившегося обучить письму десять молодых мусульман.

С распространением ислама араб-

ская письменность как средство приобщения к божественному откровению была быстро, в течение нескольких лет, принята всеми народами, вступившими в мусульманство. В настоящее время арабский алфавит используется не только в арабском, но и в таких различных языках, как персидский, урду и малайский, а также в некоторых языках Черной Африки. До реформы 1928 года арабским алфавитом пользовались также и в Турции.

Эстетические особенности арабского письма, которые отчетливо проявились в эпоху раннего ислама, происходят от своеобразного характера самих букв и симметрической манеры, в которой они соотносятся друг с другом в слитном написании.

Эти особенности, в сочетании с религиозным авторитетом языка Корана, скоро сделали арабское письмо средством украшения и привели к созданию каллиграфии, самого раннего и самого «арабского» из всех изобразительных видов мусульманского искусства. Создание каллиграфии приписывается современными учеными Али ибн Аби Талибу, двоюродному брату и зятю пророка Мухаммеда.

Каллиграфия быстро приобрела «демократический» характер, так как она была видом искусства, которым могли заниматься все грамотные арабы независимо от общественного или материального положения и ко-

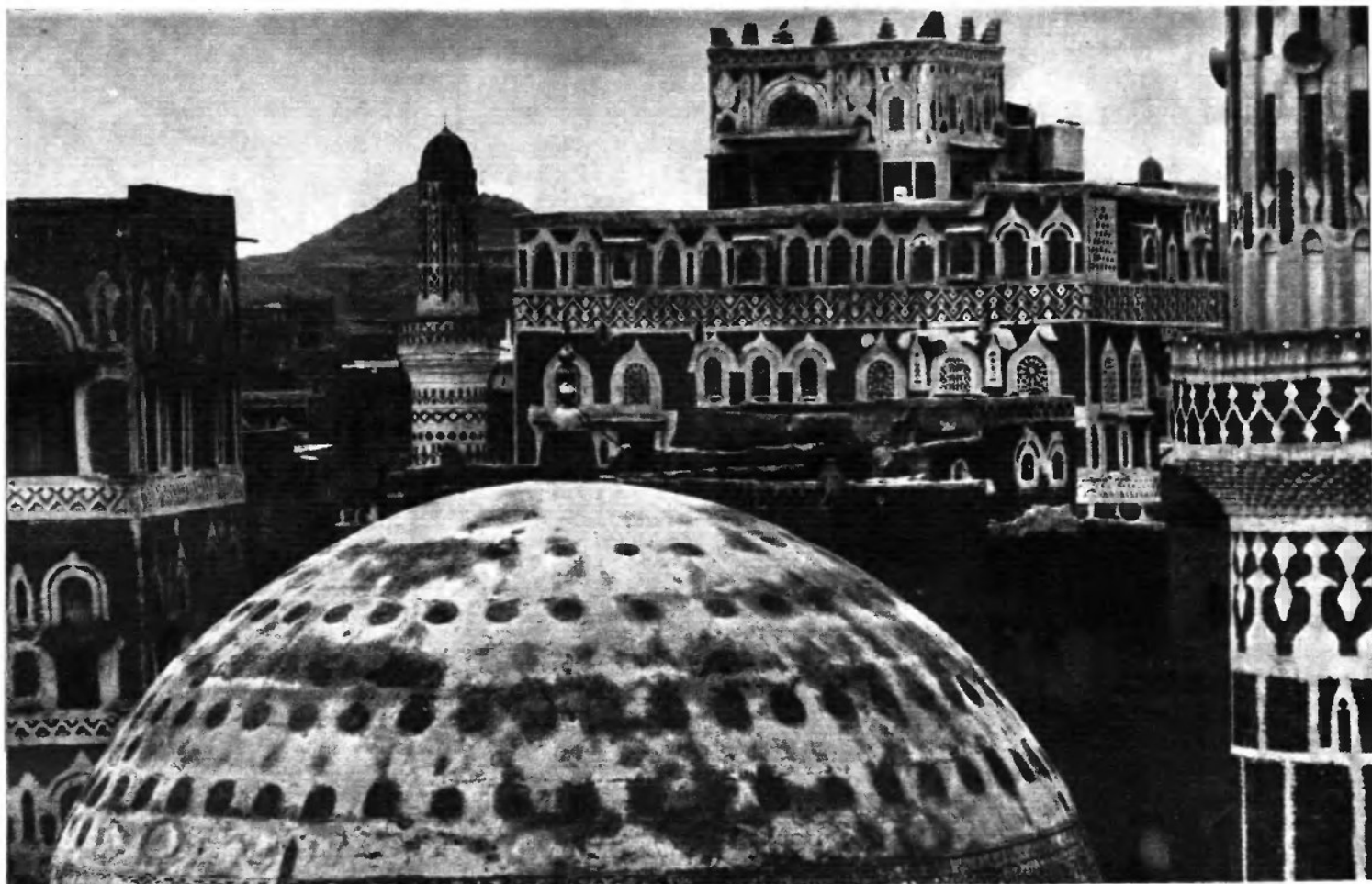

Фото © И. В. Альом, Париж

торый считался также наиболее благородным занятием, поскольку только благодаря письменности божественное откровение Корана приобретало осязаемую форму.

Миновав первоначальный период формирования, который, по-видимому, охватывал приблизительно первый век Хиджры, арабское письмо в его двух формах (угловатой и скорописной) продолжало постоянно развиваться. Возникшая в виде нескольких вариантов, углообразная форма написания букв стала наконец основной, представляя собой так называемый «куфический» шрифт по названию города Куфа в Ираке, который являлся одним из крупнейших центров классической арабской культуры. Этот шрифт ранее применялся для записи текста Корана и благодаря этому распространился по всему мусульманскому миру.

Куфическое письмо использовало буквы, сведенные к простейшей форме, и их расшифровка зависела как от формы написания, так и от понимания содержания текста. Оно стало предметом художественного поиска, который достиг вершин совершенства на рубеже VIII—IX веков в виде орнаментальных надписей, которые определили направления развития искусства арабской каллиграфии.

Угловатый куфический шрифт послужил основой для создания других стилей письма, которые включают «цветочный» куфический шрифт (в нем интервалы между буквами заполнялись мотивами из растительно-

го мира, которые первоначально органически возникли из самих букв); «сплетенный» куфический шрифт (в котором вертикальные буквы как бы устремляются в бесконечность на фоне орнамента из цветов и который особенно популярен в странах Арабского Магриба); а также «геометрический», или «четырёхугольный», куфический шрифт, обычно используемый для декоративного оформления зданий, когда надписи выкладываются из строительного материала, например из обожженного или необожженного кирпича.

В X веке плавный скорописный шрифт, известный под названием «наски», который применялся писцами и учеными при письме на папирусе, стал использоваться для записи текстов Корана. Главное различие между куфическим шрифтом и шрифтом «наски» состоит в том, что куфические буквы как бы застыли в неподвижности, в то время как буквы шрифта «наски» льются волнообразной непрерывной линией.

Руководствуясь главным образом правилами угловатого письма, знаменитый каллиграф и министр при дворе Аббасидов Ибн Мукла (ум. в 939—940 году) ввел математически пропорциональный скорописный шрифт. Это письмо было усовершенствовано и получило распространение благодаря другому известному арабскому каллиграфу Ибн аль-Бавбабу (ум. в 1022 году), который заложил основы скорописного письма, позволившие последующим поколениям заниматься искусством каллиграфии

в вольной и вместе с тем рациональной манере.

В этом коротком очерке по истории арабской архитектуры и каллиграфии мы пытались осветить малоизвестные стороны вклада арабов в мусульманскую культуру и определить место арабов в их взаимосвязи с другими великими талантливыми народами Аравийского полуострова, в тесном контакте с которыми они жили в течение долгого времени.

Однако до тех пор, пока не будет написана всеобъемлющая работа по истории доисламской арабской культуры, кочевники Хиджаза и их соплеменники в Северной и Южной Аравии будут оставаться загадочными фигурами, а их вклад в мусульманское искусство будет представлять собой предмет догадок.

Древнеарабские источники, которые до недавнего времени игнорировались или неверно истолковывались, содержат обильную информацию для изучения архитектурных памятников, которые древние историки характеризовали как «великолепные». Но памятники эти давно исчезли.

Только с использованием этих источников история Аравии станет чем-то большим, нежели только поводом для размышлений о бесконечном чередовании сражений, дипломатических интриг и генеалогий, и поможет нам понять подлинную самобытность арабского искусства. Только тогда станет возможным написать историю искусства, которое является не только мусульманским, но и поистине арабским. ■

Узоры из кирпича и камня

Йемен — один из старейших центров арабской цивилизации. На протяжении своей истории этот горный и в то же самое время плодородный край (в античные времена он был широко известен как «Плодородная Аравия») сохранял самобытные, оригинальные формы культуры. Сегодня он состоит из двух независимых государств — Народная Демократическая Республика Йемен и Арабская Республика Йемен. Йеменские города славятся красотой своей архитектуры. Слева: городской пейзаж Саны, столицы Арабской Республики Йемен. Фасады высоких домов, расположенных на террасах, пышно украшены белым, коричневым и зеленым орнаментом, в окнах — разноцветные стекла. Справа: каскад куполов и аркад древнего города Сады. Внизу: место для омовения в одной из многочисленных мечетей Забида.

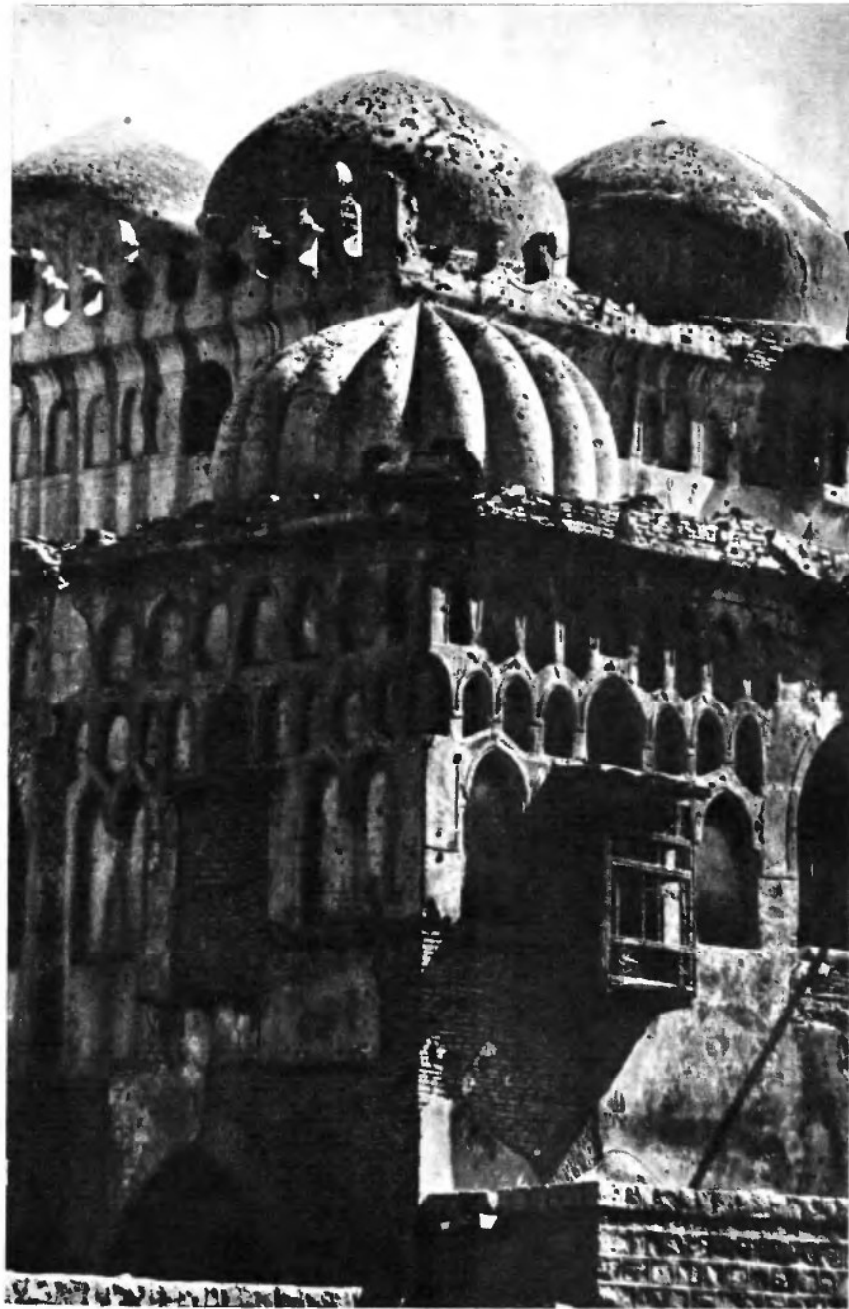

Фото © И. В. Альом, Париж

Фото © Вертхаймер, Париж

Достижения арабской науки

Салах Галал

Классическая арабская наука была обширным и сложным явлением. Развитие ее успешно началось еще при первых багдадских халифах из династии Аббасидов, сразу же после 750 года н. э. С того времени в течение по крайней мере 600 лет она энергично развивалась и постепенно распространялась, охватив географические районы, простиравшиеся от Андалусии до земель, лежавших за Амударьей в Центральной Азии.

Арабский язык очень скоро стал

САЛАХ ГАЛАЛ — научный редактор египетской газеты «Аль-Ахрам» с 1959 года, редактор арабского издания ежемесячного журнала ВОЗ «Здоровье мира». Автор и переводчик многих научных трудов, корреспондент еженедельного научного журнала «Природа».

международным языком науки, причем в гораздо большей степени, чем любой другой язык. До тех пор пока халифы не явились организаторами перевода на арабский язык научных текстов с древнегреческого и сирийского, арабский был языком поэтов, Корана и незадолго до того времени возникших учений, связанных с мусульманской религией и непосредственно с арабским языком.

В XI веке великий ученый аль-Бируни охарактеризовал арабский как наиболее подходящий для научного выражения мысли. При этом он констатировал свершившийся факт. Уже в IX веке арабский язык стал проводником научной традиции — роли, прежде ему несвойственной. Те, кто пришел к этому решению, должны были обладать незаурядной оригинальностью мысли и воображения.

Достижения арабов в оптике основывались на солидном фундаменте,

заложенном древними греками. Трактат Птолемея об оптике был сначала переведен на арабский, а затем, уже в XII веке, в Сицилии был осуществлен его перевод с арабского на латинский язык. До нас дошел лишь латинский перевод, а греческий оригинал и его арабский перевод утеряны.

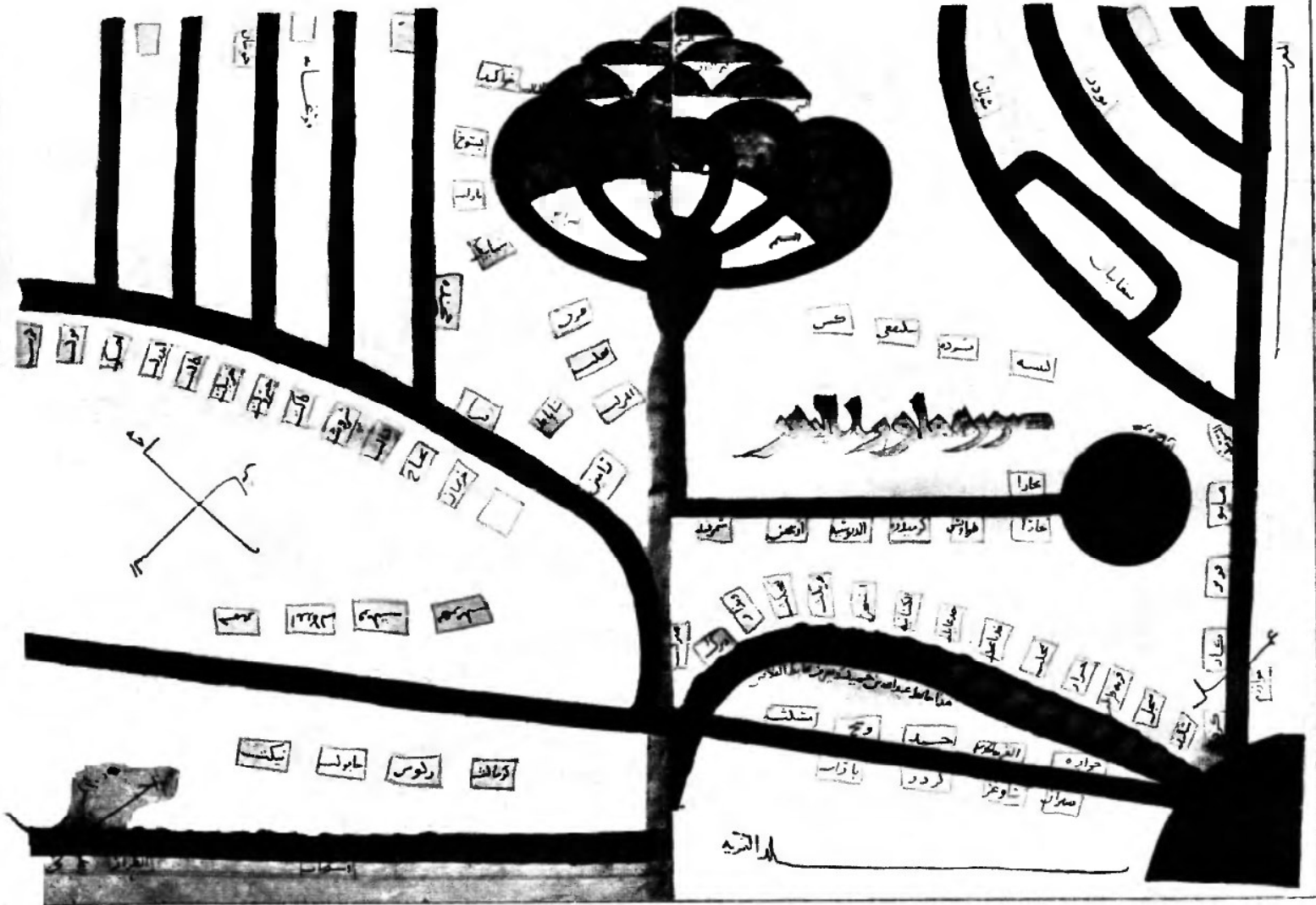
Некоторые арабские авторы в результате перевода их трудов на латинский язык стали широко известны в латинском звучании: ар-Рази — Разес, Ибн Сина — Авиценна, Ибн Рошд — Аверроэс и т. д. Их книги приобрели широкую известность, и западные авторы нередко ссылались на них и цитировали их работы.

В X веке Ибн аль-Хайтам разработал теорию видения, которая во многом отличалась от всех предшествующих и современных ей учений. Ибн аль-Хайтам был математик, а не натурфилософ, но он связал учение о физических явлениях в природе с математическими методами.

У натурфилософов он позаимство-

Фото Р. Мишо © Рафо, Париж

Слева: огромный резервуар в Кайруане (по-арабски «лагерь») в Тунисе, построенный в 862 году. Многоугольник с 48 сторонами диаметром в 128 метров, этот резервуар является крупнейшим в серии гидравлических сооружений, построенных при эмире Абу Ибрагиме Ахмде из династии Аглабидов. К нему примыкает меньший по размерам резервуар — семнадцатигульник диаметром в 37 метров.

Вверху: карта Центральной Азии, составленная географом X века Ибн Хаукалем. Заголовок, написанный кувфическим шрифтом, гласит: «Описание того, что лежит за рекой» [имеется в виду Амударья]. Справа начертано слово «Магриб» [там, где садится солнце]. См. также подпись на с. 9.

Фото Р. Мишо © Рафо, Париж

вал идею о том, что видение наступает в тот момент, когда «форма, исходящая от предмета», проникает в глаз. Как математик Ибн аль-Хайтам, ознакомившись с трудами Евклида и Птолемея, воспринял их геометрический подход.

Его собственный вклад может рассматриваться как попытка применить геометрический метод к физической теории форм. Он пытался показать, каким образом форма, способная представить видимые признаки предмета, большого или малого, проникает через зрачок в мозг, где завершается процесс видения. Чтобы добиться желаемого синтеза, Ибн аль-Хайтам был вынужден изменить важные, нередко основополагающие положения предшествующих теорий. Одновременно он разработал положения, никем прежде не сформулированные.

«Оптика» Ибн аль-Хайтама — большой и всеобъемлющий труд, включающий не только новую теорию видения, но также важные полемические вопросы, касающиеся распространения, отражения и преломления света и цвета. Средневековым романским авторам вскоре стало очевидно превосходство «Оптики» в сравнении

с трактатами Евклида, Птолемея, аль-Кинди и Ибн Сины (все трактаты, в том числе и «Оптика», были переведены на латинский язык). В XIII веке Роджер Бэкон не раз ссылался на Ибн аль-Хайтама как на «автора учения об оптике».

Все области мусульманского искусства врачевания обязаны своим развитием скорее и прежде всего неутомимым усилиям Хунайна ибн Исхака аль-Ибади (809—873 гг.) и группы его переводчиков, нежели другим авторам или просветителям IX века. Совместно со своими учениками и коллегами Хунайн осуществил перевод на арабский язык важнейших древнегреческих трудов по медицине и заложил прочную основу для развития арабской медицины, разработав четкую методологию, последователи которой продолжали ее развивать и совершенствовать на протяжении следующего столетия.

Врач Ибн Бутлан усовершенствовал теорию шести «неприродных принципов», которые установил ранее Хунайн: свежий воздух, умеренность в еде и напитках, отдых и работа, бодрствование и сон, отказ от излишеств, а также эмоциональные реакции и увлеченность.

Гармоничное сочетание этих принципов, утверждал Ибн Бутлан, гарантирует здоровье, отказ от них или же неравномерное соблюдение их ведут к заболеванию. Ибн Бутлан рекомендовал также использовать приятную музыку для поднятия тонуса больного и тем самым ускорить его выздоровление.

Развитие арабской клинической медицины и терапии достигло своей вершины в Андалусии, в частности в работах врача и государственного деятеля Ибн Вафида, а также в трудах по медицине, педагогических наставлениях и практике Ибн Зухра (известного под латинским именем Авензоар). В своем знаменитом труде «Книга, облегчающая изучение врачевания и диеты» он рассматривал вопросы, связанные с диагностикой и лечением заболеваний, а также, возможно впервые в истории медицины, описал средостенные абсцессы и сухой и мокнувший перикардит. В своей работе он указывал на важную роль эксперимента в медицине, равно как и клинического наблюдения, лечения и патологии.

При попечительстве арабских халифов впервые появились больницы. Ранее арабское понятие больницы

بالسورة في الصور من حيفا مع من الصور والمنفوخة بالعمرة المنقلة بالارزور مع انظر من الصور
 والمنفوخة بالارزور مع علامة من التي يركزها الخمس صورة الجليد على كيتيه وهو يسي
 الرافض على ابره السما

Фото © Апостолик лабрэри, Ватикан

Танцующий Геркулес

Живший в X веке астроном ас-Суфи в своей «Книге неподвижных звезд» придерживался древней традиции изображать созвездия в виде фигур людей или животных. Вверху: изображение Геркулеса, созвездия северного полушария, взятое из переписанной в XIII веке рукописи ас-Суфи. По традиции Геркулес изображается в виде танцора, но, несмотря на то что обычно его представляли как юношу с кривой саблей в руках, в данном случае он изображен с бородой и без оружия. Копия «Книги неподвижных звезд», переписанная в городе Сеута в Северной Африке, является единственной рукописью западно-мусульманского мира, в которой упоминается место, где она была сделана.

Взгляд в небо

Появившиеся в 1237 году иллюстрации художника аль-Васити к классическим «новеллам» аль-Харири под общим названием «Макаммы» — яркий пример средневекового арабского искусства (см. также с. 6 и 25). Эти миниатюры и сопровождающий их текст, повествующие о приключениях остроумного и находчивого персонажа по имени Абу Зайд, в настоящее время хранятся в Национальной библиотеке в Париже. Внизу — сценка, изображенная не без влияния науки: Абу Зайд измеряет высоту небесных тел с помощью астролябии.

Фото © Национальная библиотека, Париж

стало прототипом современной клиники — как частного или государственного учреждения.

Ар-Рази, великий философ и врач X века, рассматривал больницы как важнейшие учреждения в деле практической медицинской подготовки и распространения медицинских знаний. Адудская больница в Багдаде служила ярким примером такого учреждения. В ней работали 24 врача, были оборудованы лекционные залы и имела богатая библиотека. В конце X века эта больница приобрела широкую известность.

Среди арабских ученых, написавших труды по офтальмологии и глазным заболеваниям, область медицины, которой уделялось особое внимание в мусульманском мире, Хунайн ибн Исхак, возможно, был первым ученым, написавшим систематизированное руководство по офтальмологии, снабженное диаграммами. Его работа получила дальнейшее развитие в трудах ученых последующих поколений и сохранилась до наших дней.

В десяти трактатах, написанных между 840 и 860 годами и законченных его учеником и племянником Хубайшем, Хунайн исследовал анатомию глаза и мозга, глазные нервы, а также физиологию глаза, глазные болезни и их лечение. Несмотря на то что он во многом повторял греческих авторов, он внес и свой собственный вклад, добавив множество новых личных наблюдений. Ар-Рази был, возможно, первым ученым, описавшим рефлекс зрачка.

Успехи арабских ученых в офтальмологии достигли апогея примерно в 1000 году с появлением труда багдадского врача-окулиста Али ибн Исы. Его «Трактат для офтальмологов» — обширный труд, подводящий итог всем достижениям прошлого. Его современник Амнат ибн Али аль-Маусили первым ввел методы отсасывающего удаления катаракты. Для этого он использовал изобретенную им полую иглу. Этот метод в 1846 году возродил французский врач Бланше.

Сталактиты королевской часовни

Королевская часовня в Палермо (построена примерно в 1140 году при Рожере II, правителе норманского королевства Сицилии) славится своим богато расписанным деревянным потолком (фрагмент справа) со «сталактитовыми» сводами в форме пчелиных сот. Роспись, изображающая сцены из жизни принцев, была исполнена мусульманскими художниками и является самым крупным ансамблем из всей дошедшей до нас мусульманской живописи. Специалисты считают, что эта роспись была сделана художниками, которые следовали месопотамским традициям и испытали на себе влияние изобразительного искусства Фатимидского Египта (XI век) или Туниса.

Фото М. Дежардэн © Топ-Резанте, Париж

وهذه صفة الفرس
المسطوح على ظهره

وعظام الرأس فالعظم الأمامي وهو تحت قوس الرأس وهو ممتد
بالوجه وتحت العجينة وفيه ما عليه يكون الحش المشرك والأعلا العنق
العجوان وفيه منقوش العنق التي هي العظم القوي التي هي ممتدة
والتي هي ممتدة العنق وفيها العظام وهو ما عليه العنق وفيه يدور
ويعمل ولا تحت العجينة التي هي ممتدة والتي هي ممتدة والتي هي ممتدة
التي هي ممتدة والتي هي ممتدة والتي هي ممتدة والتي هي ممتدة والتي هي ممتدة
التي هي ممتدة والتي هي ممتدة والتي هي ممتدة والتي هي ممتدة والتي هي ممتدة

هذا هو الرأس والوجه
والذي في الصورة
هو الرأس والوجه
والذي في الصورة
هو الرأس والوجه

هذا هو الرأس والوجه
والذي في الصورة
هو الرأس والوجه
والذي في الصورة
هو الرأس والوجه

هذا هو الرأس والوجه
والذي في الصورة
هو الرأس والوجه
والذي في الصورة
هو الرأس والوجه

هذا هو الرأس والوجه
والذي في الصورة
هو الرأس والوجه
والذي في الصورة
هو الرأس والوجه

هذا هو الرأس والوجه
والذي في الصورة
هو الرأس والوجه
والذي في الصورة
هو الرأس والوجه

هذا هو الرأس والوجه
والذي في الصورة
هو الرأس والوجه
والذي في الصورة
هو الرأس والوجه

هذا هو الرأس والوجه
والذي في الصورة
هو الرأس والوجه
والذي في الصورة
هو الرأس والوجه

هذا هو الرأس والوجه
والذي في الصورة
هو الرأس والوجه
والذي في الصورة
هو الرأس والوجه

Анатомия арабского скакуна

Знание животного мира высоко ценилось у мусульман, поскольку животные, равно как растения и минералы, рассматривались как существенный элемент в гармонии Вселенной. Такие животные, как лошадь, например, часто изображались в произведениях искусства и литературы, а также служили предметом научного исследования. Приводимый здесь анатомический рисунок взят из египетской рукописи XV века, которая в настоящее время хранится в Стамбульском университете.

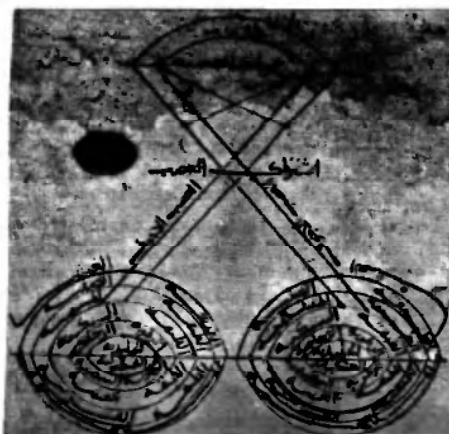
Фото Р. Мишо © Рафо, Париж. Библиотека Стамбульского университета, Турция

Рисунок из трактата

Большинство арабских стран расположены в засушливых районах, и потому ирригация всегда была основной заботой в мусульманском мире. Одна из проблем, с которой сталкивались арабские инженеры, заключалась в поднятии воды из каналов и водоемов для ирригации и бытовых нужд. В своем знаменитом труде «Трактат о механических устройствах» выдающийся изобретатель XIII века аль-Джазари подробно описывает ряд механических устройств, включая машины для поднятия воды, такие, как, например, ирригационные конструкции, приводимые в действие с помощью ослов (справа). Осел вращает вертикальную стрепу, соединенную с рядом зубчатых колес, которые в свою очередь соединены с четырьмя водяными ковшами — в данном случае они находятся в погруженном состоянии. Ковши по очереди поднимаются и выпивают воду в канал.

Лечебные травы

«Книга противоядий», автором которой предположительно был греческий врач Гален, была переведена на арабский язык и широко использовалась в медицине. Фрагмент справа взят из иллюстрированной цветными рисунками копии этой книги, переписанной в 1199 году. — возможно, в Ираке. На рисунке изображены два лечебных растения, которые использовались для лечения ран от ядовитых укусов. Названия этих растений даны на арабском языке.

Дальнейшее свое развитие офтальмология получила в трудах Ибн аль-Хайтама (Алхазена) и в руководстве для окулистов, написанном Мухаммедом аль-Гафики из Андалусии. Он снабдил свой труд рисунками хирургических инструментов, применяемых им при операциях на глазах.

Врач и философ Ибн Рошд однажды сказал: «Тот, кто познает анатомию и физиологию человека, укрепит свою веру в аллаха». Это утверждение объясняет, почему арабы стали применять хирургию с первых же дней существования ислама¹. Оно также объясняет, почему мусульманские хирурги были среди первых, кто использовал наркотики и седативные средства при операциях. Ислам учит, что аллах дал человеку для исцеления недугов множество природных лекарств. Обязанность человека заключается в том, чтобы отыскать их и умело пользоваться при исцелении страждущих.

Однако своими величайшими достижениями средневековая хирургия обязана аз-Захрави из Мавритании. Самая важная часть его медицинской энциклопедии — «Руководство к действию» — включала проблемы, связанные с гинекологией, педиатрией и акушерством, а также проблемы общей анатомии человека. Хирургический раздел энциклопедии рассматривал вопросы, связанные с прижиганием, лечением ран, извлечением стрел, гигиеной полости рта и сращиванием костей при простых и сложных переломах.

Аз-Захрави стал применять антисептические средства при лечении ран и кожных повреждений. Он изобрел нити для хирургических швов, делая их из сухожилий животных, шерсти, шелка и других материалов, и разработал технику расширения мочевых каналов и исследования внутренних органов путем хирургического вмешательства. В его операционной насчитывалось около 200 хирургических инструментов, изобретенных им лично и описанных затем в его трудах. Такие инструменты, частично усовершенствованные, впоследствии использовались мусульманскими и христианскими хирургами.

Особый интерес в истории учений по уходу за ребенком вызывают труды аз-Захрави, касающиеся здоровья матери и ребенка, а также акушерства. Из его трудов мы узнаем о том, что у арабов были широко распространены профессии нянек и повитух; это объясняется нежеланием многих консервативных мусульманских семей прибегать при обычных родах к помощи доктора-мужчины. Квалифици-

¹ От редакции. В некоторых частях западного мира была запрещена по религиозным мотивам диссекция человеческого тела.

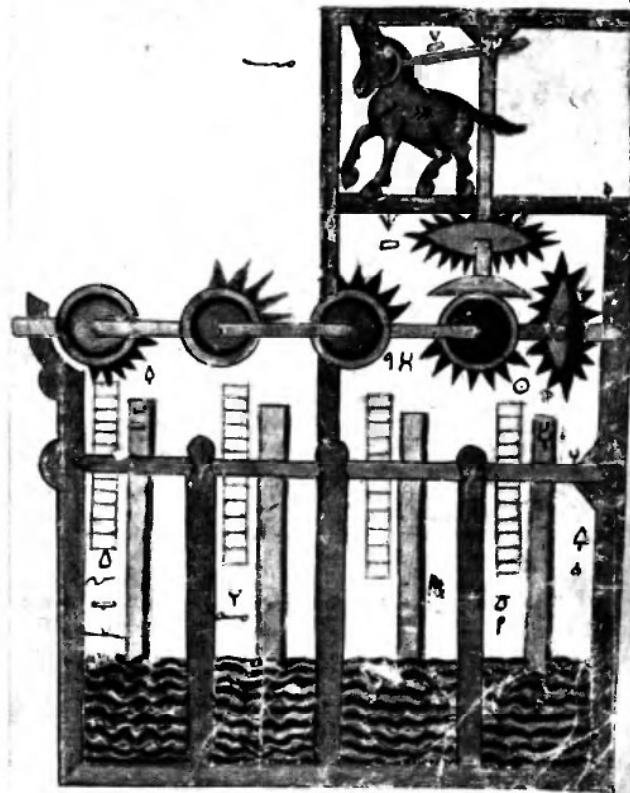

Фото © Метрополитен-музей Фонд Роджерса, 1955, Нью-Йорк

Фото из «Книги противоядий» © Национальная библиотека, Париж

Новые теории видения

Офтальмологии уделялось особое внимание в мусульманском мире. Такие ученые, как Али ибн Иса, автор знаменитого «Трактата для офтальмологов» на арабском языке, расширили унаследованные от греков знания своими теориями и исследованиями. Слева: диаграмма, демонстрирующая взаимосвязь глазных нервов [из трактата по офтальмологии, хранящегося в Египетской национальной библиотеке в Каире].

Фото Р. Мишо © Рафо, Париж Египетская национальная библиотека, Каир

цированные врачи и акушеры, такие, как аз-Захрави, наставляли и обучали повитух, с тем чтобы те могли со знанием дела выполнять свои обязанности.

Фармацевтика как признанная профессия — арабо-мусульманское установление. Фармакология стала самостоятельной наукой, независимой от медицины, хотя и связанной с ней; работали в этой области квалифицированные и хорошо подготовленные специалисты. Такое положение фармакология стала занимать примерно в начале IX века при аббасидских халифах. Первые частные аптеки в начале IX века были открыты в Багдаде, столице Аббасидов, где всегда можно было найти лекарства и специи из Азии и Африки. В скором времени аптеки появились в других крупных городах мусульманского мира.

Что касается техники, то среди изготавливаемых арабами машин можно выделить две основные категории: приносящие практическую пользу, например мельницы, устройства для подъема воды, военные машины, а также устройства, предназначенные для эстетического наслаждения и увеселения дворцовой знати.

Изобретатели увеселительных конструкций, или «автомата», такие, как Ибн ар-Разаз аль-Джазари, создавали также и машины для практических нужд. Они были хорошо знакомы с работой плотников и кузнецов-механиков, у которых заимствовали профессиональный жаргон, а также многие технические приемы, учились делать инструменты и механизмы.

Наиболее впечатляющими «автомата» были снабжены монументальные часы, изобретенные аль-Джазари: круги, по которым с постоянной скоростью вращались знаки Зодиака, солнце и луна; птицы, которые роняли из клювов дробинки на цимбалы и таким образом отбивали время; дверцы, которые открывались при этом, являя взору маленькие фигурки. Через равные промежутки времени музыканты играли на трубах и били в барабаны и тамбурины.

Как правило, такие «автомата» приводились в действие поплавком, регулярно погружавшимся в резервуар с водой. Их механизм включал комплекс сложных гидравлических устройств, которые позже, во время промышленной революции, вновь появились в Европе. В состав этих устройств входил конический клапан, который на Западе впервые упоминался в работах Леонардо да Винчи и который стал широко применяться в Европе в XVI веке. Ученым предстоит еще провести немало исследований, прежде чем будут полностью установлены источники идей Леонардо, но есть основания считать, что он был знаком с некоторыми переводами с арабского, которые появились в Толедо в XII веке.

Техника арабов во многом основывалась на использовании гидравлических и пневматических эффектов. Большинство математических законов, определяющих эти физические явления, в то время не были еще открыты, и посему инженерам приходилось полагаться на большой практический опыт.

С классических времен известны два типа водяных мельниц: один тип — с вертикальным водяным колесом, приводящим в движение жернова при помощи двух передаточных шестерен; второй тип — с горизон-

тальным колесом и с прямым приводом к жерновам. Подсчитано, что мельница второго типа могла развивать мощность до 10 лошадиных сил с коэффициентом полезного действия 75%. Из описаний географов и путешественников нам известно, что арабы широко использовали на своих землях оба типа мельниц для помола зерна и в промышленных целях.

Все пять устройств, описанные аль-Джазари, были предназначены для подъема воды, и четыре из них обладали рядом черт, имеющих важное значение в истории техники.

Существуют многочисленные свидетельства того, что знания, которыми обладали арабы в области естественных наук, медицины, математики и философии, попадали в Европу в письменной форме, но существует очень немного свидетельств, что таким же путем распространялись и инженерные идеи. Зачастую одна культура знакомилась с техническими достижениями другой из записок путешественников, наблюдений торговых агентов, а также путем прямых контактов между ремесленниками. В раннюю эпоху развития техники такое практическое взаимообогащение было, возможно, более распространенным и плодотворным, чем общение через посредство письменных источников.

Арабская культура, включая ее вклад в развитие естественных наук, достигла наивысшей степени расцвета между IX и XI веками и не раз возрождалась впоследствии, на протяжении XII и XIII веков. В то время Запад лишь пробуждался от сумерек средневековья.

В период между XII веком и эпохой Возрождения труды арабских ученых по всем областям знаний переводились и переписывались в Испании, Сицилии и Сирии, благодаря чему большинство их стало доступными в латинском переводе. Несмотря на сравнительно низкий уровень перевода и науки на Западе в те времена, эти латинские тексты способствовали возрождению тяги к знаниям в Западной Европе периода позднего средневековья.

В области естественных наук арабские авторы не только сберегли достижения классической науки античности, но и пополнили сумму человеческих знаний новыми и оригинальными сведениями, обогатив тем самым все человечество. ■

ЧИТАТЬ, ПИСАТЬ, СЧИТАТЬ

(Продолжение со стр. 34)

Поначалу учителя читали лекции по памяти, не прибегая к текстам. Вскоре, однако, они стали пользоваться заметками, а со временем записи, оставленные выдающимися древними педагогами, превратились в учебники для их последователей и учеников. Во многих случаях учителя просто зачитывали и поясняли древние тексты — метод обучения, который привел к застою в мусульманском образовании, продолжавшемуся несколько столетий.

Другими методами обучения в мечетях были дискуссии и ответы на вопросы. Учащиеся часто горячо спорили со своими учителями, отстаивая при этом свою точку зрения, порой идущую вразрез с мнением учителей. Но в то же время они глубоко уважали мнение своего учителя. Так в мусульманской академической жизни развилось искусство ведения дискуссий и диалога, регламентированное четко определенными правилами.

В ранний период ислама мусульманские ученые много путешествовали, собирая хадисы, которые хранили в своей памяти некие старейшины, но которые никогда не записывались. Позднее ученые путешествовали в поисках необычных арабских выражений и синтаксических форм; со временем практика путешествий «в поисках знаний» распространилась и на другие области академических знаний.

«Все знания в конечном счете связаны с религией и обретаются во имя аллаха». Этот принцип лежит в основе передачи и обретения знаний в мусульманском мире. Любое мирское призвание должно быть подчинено духовному началу, и в конечном итоге цель образования — это служение аллаhu. ■

Значительный вклад в развитие науки

Арабы не только авторы крупных научно-технических изобретений. Своими переводами работ греческих и других античных ученых они способствовали также распространению знаний, которые помогли дальнейшему расцвету западной науки.

Арабские ученые играли ведущую роль в развитии астрономии и математики, медицины и естественной истории, географии и агрономии. Среди них — выдающийся математик IX века аль-Хаваризми, создатель алгебры (от арабского аль-джабр), от имени которого пошел известный математический термин «алгоритм». Этот знаменитый ученый, которого называют «одним из величайших математиков всех времен», также разработал метод извлечения квадратных корней и сделал важные открытия в тригонометрии.

Развитие арабской научной мысли и ее влияние на прогресс науки в средневековой Европе и во всем мире рассматривалось в ряде статей в нашем журнале (прежде всего в июльском номере за 1974 год). Международный научный ежеквартальный журнал ЮНЕСКО «Влияние науки на общество» посвятил этому вопросу отдельный номер, названный «Наука и мусульманский мир» (май — сентябрь 1976 года).

Письма редактору

НОМЕР О РУБЕНСЕ

Прошу принять мои самые искренние поздравления по поводу номера «Курьера ЮНЕСКО» (июль 1977 г.), посвященного 400-летию со дня рождения Рубенса, а также жизни и деятельности Спинозы и Левенгука.

Высокий уровень статей и иллюстраций, как цветных, так и черно-белых, делает этот номер журнала одним из лучших выпусков «Курьера ЮНЕСКО».

Альберто Вагнер де Рейна,
Представитель Перу в ЮНЕСКО,
член Исполсовета ЮНЕСКО.

ЛИК АФРИКИ

Примите мои поздравления по поводу номера «Преобразующийся лик Африки» (июнь 1977 г.). Статья Оли Балогуну о значении африканской культуры создает четкую картину тех замыслов, которые европейцу зачастую понять непросто.

Однако я хотел бы высказать несколько замечаний по поводу подписей под иллюстрациями и фотографиями. Во-первых, маска из Габона, изображенная внизу на с. 16, очевидно, относится к народности пуну, а не фанг, как утверждается в подписи, хотя она и могла попасть туда из мест обитания фанг.

Что касается маски народности дан из Либерии, изображенной на с. 18, то она, на мой взгляд, отнюдь не является «шедевром» среди остальных масок, которым посвящены полосы иллюстраций. Народность дан изготовила тысячи более ценных масок.

Наконец, по-разному можно интерпретировать миниатюрные орнаментированные фигурки, изображенные на с. 24 и 25. Например, два крокодила с одним желудком предполагают идею, что, хотя у семьи несколько ртов, она кормит один общий желудок. Мораль: люди должны подчинять личные интересы общественным.

А. Ж. Сафарис,
Сен-Мор-де-Фоссе
Франция

Номер журнала, посвященный африканской культуре (июнь, 1977 г.), прекрасен. Африканское искусство — источник постоянного обогащения и неподвластно времени, подобно искусству ассирийцев, шумеров, народов Океании и доколумбовой Америки.

Однако, что касается кинематогра-

фи, нельзя утверждать, что иностранные кинокомпании используют Африку как рынок сбыта их неудачной продукции. Судя по словам моих друзей, живущих в Верхней Вольте, там демонстрируются хорошие, сравнительно новые фильмы — не более, чем годичной давности.

Клод Ламбер,
Эпиналь,
Франция

Как учитель, исследователь в области этнической истории и музыкальный обозреватель, я приношу свои поздравления по поводу номера «Преобразующийся лик Африки». Жаль, что «Курьер ЮНЕСКО» малоизвестен в среде педагогов и писателей Южной Африки.

Надеюсь, что когда-нибудь этот журнал будет публиковаться на нашем языке, языке тсонга, на котором говорят в Южной Африке, Родезии и Мозамбике.

Рисимати Мудунвази Матонси,
Га-Ранкува,
Южная Африка

Примите мои горячие поздравления по поводу номера журнала, посвященного Рубенсу. Он оказался исключительно интересным. Я буду с нетерпением ждать следующие номера подобной тематики.

Я рад воспользоваться этой возможностью, чтобы выразить свое восхищение по поводу качества и широкой тематики статей, публикуемых в журнале «Курьер ЮНЕСКО».

Ж. Богратц,
Париж

КРИТИКА АРИСТОТЕЛЯ

Я хочу коснуться статьи Константина Деспотопулоса об Аристотеле, помещенной в ноябрьском номере журнала «Курьер ЮНЕСКО» (1977 г.). Крайне неверно восхвалять такую спорную личность в журнале, который читает молодежь. Великий французский философ и государственный деятель Фрэнсис Бэкон (1561—1626) недвусмысленно критиковал Аристотеля, равно как и Бертран Рассел, который писал, что интеллектуальное влияние Аристотеля сделало его «сущим наказанием для всего человечества».

Аристотель обладал ограниченным воображением и научным предвидением, ибо не мог подняться над своей эпохой, преодолев ее предрассудки.

Мое мнение подтверждает ниже следующая цитата из «Политики» Аристотеля: «Если бы челнок мог сам ткать одежду, если бы смычок мог сам извлекать звуки из струн, то архитектору не нужны были бы рабочие, а хозяину рабы». Аристотель хотел этим сказать, что подобные предположения нелепы. Однако машины существовали уже со времен фараонов, хотя Аристотель, похоже, мало что знал об этом. Он сам объ-

явил себя врагом прогресса и сторонником рабства.

Жан Пиллис,
Исси-ле-Мулино,
Франция

НА ПУТИ К СОЛИДАРНОСТИ

Я всегда с большим удовольствием читаю «Курьер» еще с тех пор, когда я училась в средней школе десять лет назад. В особенности мне нравятся статьи по истории и археологии, а также о науке, геофизике и этнографии. Для меня журнал является постоянным источником обогащения и познания мировых проблем, а также средством достижения солидарности и единства между народами.

Тирион-Ширу,
Савиньи-сюр-Орк,
Франция

СОЛНЕЧНАЯ ЭНЕРГИЯ — ДЛЯ СТРАН «ТРЕТЬЕГО МИРА»

В интереснейшем номере «Остановить наступление пустыни» (август 1977) мое внимание привлекла статья Эрика П. Экхольма об «энергетическом кризисе».

Нехватка топливной древесины действительно ощущается во многих районах мира, но ведь недостатка в солнечной энергии, кажется, нет. И думается, здесь-то и надо искать выход из положения.

Почему бы не перевести бытовое отопление в этих районах на солнечную энергию? Ведь при существующем уровне развития техники это вполне возможно. И если проект окажется успешным, беднякам «третьего мира» не придется растрачивать силы на поиски древесины для топлива, да и леса будут страдать меньше. И последнее: думаю, что при осуществлении такой работы малейшая мысль об «извлечении прибыли» из помощи беднякам развивающихся стран должна быть полностью исключена.

Шон О. Кадхла,
Корк, Ирландия

Мне уже 86 лет, но я еще думаю о будущем, и потому меня очень заинтересовала статья Эрика П. Экхольма, привлекающая внимание к вопросу о том, что в некоторых районах мира уничтожение лесов идет опасно быстрыми темпами.

Как «затормозить» широкое использование древесины в качестве топлива в районах бедности Азии, Африки и Южной Америки — сказать действительно трудно. Но ведь можно, хотя бы в ряде таких районов, где преобладает климат с большим количеством солнечных дней, использовать как источник энергии солнечное излучение? Можно было бы наладить широкое производство параболических рефлекторов, скажем, из дюралюминия. И хотя это обошлось бы, конечно, недешево, все-таки это было бы неизмеримо лучше массового истребления деревьев.

Л. Пайяр,
Вертю, Франция

ХРОНИКА ЮНЕСКО

Дар Ливии

Ливия решила пожертвовать 1 220 000 долларов в фонд программы ЮНЕСКО по изданию всеобщей истории Африки. Этот вклад позволит выпустить восьмитомный труд на арабском, французском, английском и нескольких африканских языках.

Декларация арабских государств об образовании и развитии

С 7 по 14 ноября 1977 года в Абу-Даби (Объединенные Арабские эмираты) проходило совещание министров просвещения и министров экономического планирования арабских государств, посвященное вопросам политики в области образования в арабском мире. Это совещание было организовано ЮНЕСКО в сотрудничестве с АЛЕКСО (Арабская лига экономических, культурных и научных организаций).

Обращаясь к совещанию, Генеральный директор ЮНЕСКО Амаду-Махтар М'Боу подчеркнул, что перед арабскими государствами стоят проблемы перехода от традиционного к современному обществу и связанного с этим научно-технического развития и процесса урбанизации. В заключение делегаты единогласно приняли декларацию, отражающую стремление ускорить процесс развития с учетом не только достижений современной науки и техники, но и традиционных ценностей, также являющихся носителями прогресса. Декларация, в которой арабские государства выступают за демократизацию образования, также призывает к укреплению регионального сотрудничества и солидарности на благо тех стран региона, которые находятся в наиболее затруднительном финансовом положении.

Генеральный директор ЮНЕСКО — почетный доктор Сорбонны

Сорбонна (Парижский университет) 18 ноября 1977 года присвоила почетную докторскую степень Генеральному директору ЮНЕСКО Амаду-Махтару М'Боу. Выступая на церемонии присвоения степени, А.-М. М'Боу подчеркнул, что в настоящее время одной из важнейших задач университета является служение делу национального и международного сообщества, единого в своем стремлении к новому мировому порядку, основанному на принципах солидарности.

Образование в области окружающей среды

Первая в истории межправительственная конференция по вопросам образования в области охраны окружающей

КОНЧИНА ФИЛИППА ОНЭСА

23 ноября мы узнали о скоростной смерти нашего друга и коллеги Филиппа Онэса, редактора французского издания журнала «Курьер ЮНЕСКО». Ему было 38 лет. Весь предыдущий день он провел вместе со своими товарищами по работе, окончательно дорабатывая этот номер журнала, посвященный культуре — эта работа представляла для него особый интерес, поскольку он преподавал мусульманскую литературу в Парижском университете. Этому номеру Филипп Онэс посвятил больше сил и энергии, чем кто-либо из наших редакторов. Таким образом этот выпуск журнала является последней данью его мастерству, мужеству и щедрости, а также напоминанием о том, сколь многим ему обязан и что потерял с его смертью журнал «Курьер ЮНЕСКО».

среды состоялась в Тбилиси (4—26 октября 1977 года). Делегаты из 60 стран приняли декларацию, определяющую задачи образования в области охраны окружающей среды на национальном и международном уровне. Конференция, организованная ЮНЕСКО и Программой ООН по охране окружающей среды рекомендовала сделать образование в области проблем окружающей среды частью учебного процесса в школах на всех ступенях обучения. Должна вестись подготовка специалистов в этой области и предприняты шаги по соответствующему обучению тех групп населения, чья производственная деятельность влияет на окружающую среду.

Атом на службе мира

18 ноября 1977 года Почтовая администрация ООН выпустила серию памятных марок на тему: «Мирное использование атомной энергии». Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), которое входит в систему организаций ООН (основано в 1957 году

в Вене), «стремится увеличивать вклад атомной энергии в дело мира и здравоохранения во всем мире».

Новый журнал «Форума развития ООН»

«Форум развития», ежемесячник ООН по вопросам мировой экономики и общественных наук, с января 1978 года начинает издание нового журнала «Бизнес эддишн», который будет выходить раз в две недели. Журнал издается на совместной основе Международным банком, Программой развития ООН и Центром ООН по экономической и общественной информации, который выпускает основное издание «Форума развития» в течение пяти последних лет. Новый журнал будет содержать широкую информацию о товарах и услугах, необходимых для осуществления проектов развития и способствовать таким образом оживлению рыночной конъюнктуры. По словам Генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма, этот журнал поможет «лучше ознакомиться деловой мир с широкой теоретической базой, на которой основывается деятельность ООН в области развития».

Фильм об африканском искусстве

Телевидение Нигерии совместно с ЮНЕСКО выпустило получасовой цветной 16-миллиметровый фильм о Втором Всемирном фестивале афро-негритянского искусства и культуры (сценарист и режиссер Филипп Гонт). Фильм посвящен музыке, танцам, спектаклям и выставкам фестиваля, который проходил в Лагосе в январе—феврале 1977 года.

Коротко...

■ По данным экспертов Программы ООН по охране окружающей среды, в мировой океан ежегодно попадает 6 миллионов тонн нефти.

■ Мишель Дебоаз (Франция) назначен директором основанного ЮНЕСКО в Париже Международного института планирования образования.

■ В 1975 году мировые расходы на исследования в военной области составили 25 миллиардов долларов. Это в 6 раз больше, чем истрчено на исследования в области медицины. В области военных исследований занято 40% научных работников мира. Эти данные были приведены на симпозиуме неправительственных организаций, состоявшемся в Париже в июне 1977 года под эгидой ЮНЕСКО.

Арабская культура средневековья

(краткая библиография)

- АБУ НУВАС. Лирика. Пер. с арабского. М., 1975.
- Андалусская поэзия. Составление, подстрочный перевод, предисловие и примечание Б. Я. Шидфар, М., 1969.
- Арабская поэзия средних веков. Пер. с арабского. М., 1975 («Библиотека всемирной литературы»).
- АХВЕДИАНИ В. Г. Фонетический трактат Авиценны. Тбилиси, 1966.
- БАРТОЛЬД В. В. Культура мусульманства. Пг., 1918.
- БАЦИЕВА С. М. Ибн Халдун. Историко-социальный трактат «Мукаддима». М., 1965.
- БЕЛЯЕВ В. И. Арабские рукописи бухарской коллекции Азиатского музея Института востоковедения АН СССР. Л., 1932.
- БЕЛЯЕВ В. И. Основные черты арабской поэзии в начале аббасидского периода (VIII—IX вв.). XXV МКВ. М., 1960.
- БЕЛЯЕВ Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965.
- БЕРТЕЛЬС Е. Э. Суфизм и суфийская литература. Избранные труды. Т. 3. М., 1965.
- АБУ РЕЙХАН МУХАММАД ИБН АХМЕД АЛЬ-БИРУНИ. Избранные произведения в 6-ти томах. Ташкент, 1957—1975.
- АЛЬ-БИРУНИ и ИБН СИНА. Переписка. Ответственный редактор И. М. Муминов. Ташкент, 1973.
- БОЙКО К. А. Арабская историческая литература в Испании (VIII—XI вв.). М., 1977.
- БОРИСОВ А. Я. Авиценна как врач и философ. Труды Института востоковедения АН СССР. Вып. 36. М., 1941.
- ВЕЙМАРН Б., КАПТЕРЕВА Т., ПОДОЛЬСКИЙ А. Искусство арабских народов. М., 1960.
- ВЕЙМАРН Б. В. Искусство арабских стран и Ирана VII—XVII вв. М., 1974.
- «Вторая записка Абу Дулафа». Издание текста, перевод, введение и комментарии П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова. М., 1960.
- ГИНЗБУРГ И. И. Арабская медицина и произведения Авиценны «Канон» и «Урджуз». Труды Института востоковедения АН СССР. Вып. 36. М.—Л., 1941.
- ГРИГОРЬЯН С. Н. Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. М., 1966.
- ГРЯЗНЕВИЧ П. А. Арабский аноним XI века. Издание текста, перевод, введение в изучение памятника и комментарии. М., 1960.
- ГРЯЗНЕВИЧ П. А. История халифов анонимного автора XI века. Факсимиле рукописи, предисловие и краткое изложение содержания. М., 1967.
- ГУБЕР Р. И. История музыкальной культуры. Т. 1, ч. 1. М.—Л., 1941.
- ДЕНИКЕ Б. П. Арабо-месопотамская школа миниатюры. «Новый Восток», № 3, 1923.
- АЛЬ-ДЖАХИЗ. Книга о скупых. Пер. с арабского, предисловие и примечания Х. К. Баранова. М., 1965.
- Жизнь и подвиги Антары. Пер. с арабского И. М. Фильштинского и Б. Я. Шидфар. М., 1968.
- ЗАВАДОВСКИЙ Ю. Н. Культура Арабской Африки. В сборнике «Арабские страны». М., 1970.
- ЗАХИДОВ В. Ю. Три титана [Фараби, Бируни, Ибн Сина]. Ташкент, 1973.
- ЗВЕГИНЦЕВ В. А. История арабского языкознания. МГУ, 1958.
- Калила и Димна. Пер. с арабского И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина. М., 1957.
- КАРИМОВ У. И. Неизвестное сочинение ар-Рази «Книга тайны тайн». Ташкент, 1957.
- КЛИМОВИЧ Л. И. Ислам. М., 1965.
- Книга тысячи и одной ночи в 8-ми томах. Пер. с арабского М. А. Салье. М., 1929—1939.
- КОВАЛЕВСКИЙ А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.
- КРАЧКОВСКАЯ В. А. Историческое значение памятников южноарабской архитектуры. «Советское Востоковедение». Т. IV. М.—Л., 1947.
- КРАЧКОВСКИЙ И. Ю. Арабская географическая литература. Избранные сочинения. Т. IV. М.—Л., 1957.
- КРАЧКОВСКИЙ И. Ю. Арабская культура в Испании. М.—Л., 1937.
- КРАЧКОВСКИЙ И. Ю. Абу ал-Аля ал-Маарри «Рисалат ал-Малаика». Послание об ангелах. Избранные сочинения. Т. II. М.—Л., 1956.
- КРАЧКОВСКИЙ И. Ю. Ибн ал-Му Тазз. Избранные сочинения. Т. VI. М.—Л., 1970.
- КРАЧКОВСКИЙ И. Ю. Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях. М.—Л., 1945.
- КРАЧКОВСКИЙ И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. Избранные сочинения. Т. 5. М.—Л., 1958.
- КРЫМСКИЙ А. Е. История арабов и арабской литературы, светской и духовной, ч. I—III. М., 1914.
- КУДЕЛИН А. Б. Классическая арабо-испанская поэзия (конец X в. — середина XII в.). М., 1973.
- КУЗНЕЦОВ К. А. Арабская музыка. В книге «Очерки по истории и теории музыки». Сборник 2. Л., 1940.
- ПУТИНЦЕВА Т. А. Тысяча и один год арабского театра. М., 1977.
- САГАДЕЕВ А. В. Эстетические взгляды арабов эпохи средневековья. В книге «Очерки истории эстетических учений». М., 1963.
- СЕРЕБРЯКОВ С. Б. Трактат Ибн Сины [Авиценны] о любви. Тбилиси, 1976.
- СОЛОВЬЕВ В., ФИЛЬШТИНСКИЙ И., ЮСУПОВ Д. Арабская литература. М., 1964.
- Сорок невольниц. Пер. и предисловие А. Б. Халидова, Д. И. Юсупова, Н. О. Османова. М., 1961.
- СУЛТАНОВ Н. В. Памятники зодчества средних веков и магометанского Востока. Атлас. СПб., 1908.
- ХАЛИДОВ А. Б. Каталог арабских рукописей Института народов Азии. Вып. 1, Художественная проза. М., 1960.
- АЛЬ-ФАРАБИ. Философские трактаты. Алма-Ата, 1972.
- АЛЬ-ФАРАБИ. Логические трактаты. Алма-Ата, 1975.
- ФИЛЬШТИНСКИЙ И. М. Арабская классическая литература. М., 1965.
- ФИЛЬШТИНСКИЙ И. М. Арабская литература в средние века. М., 1977.
- ФИЛЬШТИНСКИЙ И. М., ШИДФАР Б. Я. Очерк арабо-мусульманской культуры. М., 1971.
- ШАРБАТОВ Г. Ш. Арабистина в СССР. Филология. М., 1959.
- ШИДФАР Б. Я. Образная система арабской классической литературы (VI—XII вв.). М., 1974.
- ШИДФАР Б. Я. Андалусская литература. М., 1970.
- ШМИДТ А. Э. Рукописи произведений Авиценны в Государственной публичной библиотеке Узбекской ССР. Труды Института востоковедения АН СССР. Вып. 36. М.—Л., 1941.
- ШУМОВСКИЙ Т. А. Арабы и море. М., 1964.
- ШУМОВСКИЙ Т. А. Три неизвестные лоции Амеда Ибн Маджиды, арабского лоцмана Васко да Гамы в уникальной рукописи Института востоковедения АН СССР. М.—Л., 1957.

Научный консультант русского издания доктор филологических наук, профессор ШИДФАР Б. Я.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР РУССКОГО ИЗДАНИЯ
Т. Ю. СОЛОВЬЕВА-МАМЕДОВА

Адрес русской редакции: 119021, Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 21, т. 247-18-40

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 2 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Зак. 1472
Цветные вкладыши отпечатаны во Франции

Медина

В течение 13 лет Мухаммед читал проповеди в Мекке, а затем поселился в Ятрибе, примерно в 500 км от Мекки, где он жил до своей смерти. Ятриб стал известен как «город пророка» — Мадина аль-Наби, или попросту Медина (аль-Мадина — город). Эта египетская керамика XVII века периода правления Мамлюков изображает примерную схему расположения святых мест Медины, в первую очередь дом Мухаммеда, по образцу которого впоследствии стали строиться мечети.

